

Игорь Подгурский

Дмитрий Романтовский

На суше и на море

Дайте реальности шанс!

**Игорь Анатольевич Подгурский
Дмитрий Романтовский
На суше и на море**
Серия «Отряд коррекции реальности», книга 2

Текст предоставлен издательством «Альфа-книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159295

Подгурский И.А., Романтовский Д.Ю. На суше и на море: Фантастический роман: АРМАДА:

«Издательство Альфа-книга»; СПб.; 2007

ISBN 5-93556-902-7

Аннотация

Нелегко служить в элитном отряде коррекции реальностей Звездной Руси. Задачи у бойцов не из простых – исправлять реальности, которые так и норовят выйти из предначертанного русла Истории.

Оборотни-эсэсовцы готовятся к завоеванию мира, боевые роботы из космоса хотят оккупировать Землю, одаренные дети посылают взрослых... куда подальше.

Но не тут-то было! Трепещите, враги! За мечи, автоматы и вилы берутся Илья Муромец, Николай Кузнецов, Иван Сусанин и их товарищи. Отважным парням по плечу самые безнадежные и тупиковые ситуации. И снова отряд в гуще событий! Не простая у них служба. Но будьте уверены, никто не сможет встать у них на пути, реальность получит еще один шанс на исправление...

Содержание

СПИСОК	4
Глава 1	6
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Игорь Подгурский, Дмитрий Романтовский НА СУШЕ И НА МОРЕ

*Моим сыновьям – Федору, Олегу – и советскому разведчику
Александру Васильевичу Зобкову.
Игорь Подгурский*

*Л. С. Соколову, крестному.
Дмитрий Романтовский*

СПИСОК

личного состава отряда коррекции реальности Комитета Глобальной Безопасности Демократической Империи Руси

Владимиров Дмитрий Евгеньевич – командир отряда, подполковник.
Маннергейм Карл Густавович – начальник штаба, барон.
Фурманов Дмитрий Андреевич – комиссар отряда.
Кижэ Евлампий Кажиевич – генерал-майор, заместитель по виртуальности.
Баранов Александр Сергеевич – заместитель по высокому моральному духу (заммор-
дух).
Скуратов Малюта Лукьянович – начальник отдела контрразведки, опричник.
Дзержинский Феликс Эдмундович – внештатный консультант отдела контрразведки.
Батырбек Батыр Бекович – командующий военно-морскими силами, старший батыр¹, бек².
Кузнецов Николай Иванович – врио начальника отдела спецопераций, обер-лейтенант.
Задов Лев Николаевич – сотрудник отдела спецопераций.
Сусанин Иван Иванович – сотрудник отдела спецопераций.
Разин Степан Тимофеевич – сотрудник отдела спецопераций.
Нестеров Петр Николаевич – начальник отдела воздухоплавания, штабс-капитан.
Дуров Леонид Владимирович – начальник отдела зооподдержки, директор зверинца.
Щирый Хохел Остапович – начальник отдела тылового обеспечения, прапорщик.
Новгородский Садко Акимович – сотрудник отдела тылового обеспечения.
Ермак Ерофей Павлович – переговорщик отряда.
Шаманов Латын Игаркович – отрядный священник, религиовед.
Муромский Илья Тимофеевич – начальник отрядной заставы, старший богатырь.
Дранников Добрыня Никитич – богатырь.
Попович Алексей Вакулович – младший богатырь.
Филиппов Петр Трофимович – стажер.

¹ Батыр – восточный богатырь. – Здесь и далее примеч. авторов .

² Бек – уважительное обращение, мелкое восточное дворянство.

Вендт Отто Фридрихович – командир подводной лодки «U-1277», вместе с экипажем временно прикомандированный в распоряжение командира отряда.

Глава 1

ПРИДАНое КНЯЖНЫ

– Товарищи! – решительно оборвал жидкие аплодисменты Владимиров. – И господа, разумеется... Торжественное заседание, посвященное годовщине образования Аркаимского отряда Комитета галактической безопасности Звездной Руси разрешаю считать открытым. Встать, бездельники!

В зале загремели и фальшиво запели фанфары, а сводный отряд знаменосцев в составе конопатого Петрухи внес на сцену отрядный стяг – алое полотнище с вышитой золотом двуглавой птицей. Орел был немножко кривобок. На правое крыло ниток, похоже, не хватило. Навершие древка было увито пучком двух лент – красно-бело-синей и черно-желтой.

Сбивая от понятного волнения и высокого доверия свой гусиный шаг, Петруха продефилировал со стягом на вытянутых руках по сцене из конца в конец два раза. Потом с облегчением воткнул алое полотно под портретом основателя империи – наголо стриженного добродушного вида бородача с глубоким шрамом поперек лица, детской улыбкой на устах и безмятежно голубым левым глазом. Правый глаз основателя скрывала черная повязка.

Укрепить стяг в просверленной в полу под портретом дырке Петрухе удалось, правда, лишь со второго раза. Первый раз он нервно ткнул слегка заостренным основанием древка в ногу Баранова, который суетливо и неосторожно бросился ему помогать.

Баранов, несмотря на торжественность обстановки и коллективно взятые обязательства не материться в служебных помещениях, хотел было взвыть на весь зал, но в этот момент грянул гимн. Все, даже орел на стяге, вытянулись по стройке «смирно».

За последние тысячелетия слова гимна менялись добрый десяток раз, поэтому из импровизированного хора доносились самые разные варианты:

- Союз нерушимый, – заливался курским соловьем Кузнецов.
- Сильный, державный, – надрывался Сусанин, утирающий слезы.
- Сплотила в реальность, – скулил Петруха.
- Звездная Русь, – шмыгнул носом нектати простудившийся Хохел.

Что ревело своими богатырскими глотками трио Илья—Добрыня—Алеша расслышать было невозможно, поскольку сидели они на самой галерке, как раз под мощным патефоном, из которого и доносилась музыка имперского гимна. Музыка, в отличие от слов, уже несколько веков не менялась ни на ноту.

Что бы ни пели подчиненные Владимирова – все вместе звучало достаточно внушительно. Да что там внушительно – холодок по коже бежал от рева одного только Ильи. Не портил общего впечатления даже тот факт, что Маннергейм пел по-фински, Дзержинский – по-польски, а Батыр орал, как верблюд, укушенный скорпионом, на казахском.

«Все равно ничего не разберешь», – мстительно и ехидно подумал Владимиров, поскольку только недавно получил из главка указилровку с очередным вариантом гимна. А у Дмитрия Евгеньевича в последние дни были более насущные дела: тут как раз Батыр, принимая после очередного капремонта сокол-корабль, утопил его вблизи пирса на радость экипажу немецкой субмарины. Владимиров сразу отписать документ по назначению забыл и теперь, к огорчению безутешного заместителя по высокому моральному духу Баранова, вторую неделю не мог этот текст найти.

Между тем многоопытный комиссар Фурманов, узнав от Владимирова о пропаже ужасно важного документа с текстом нового гимна, ничуть не расстроился, а, напротив, развеселился и последовательно посоветовал командиру «начхать» и «забыть». «Когда коту нечего делать, – мудро, но непонятно заметил тезка Владимирова, – он что делает?.. Так что

лучше давай решим, кому внеочередной отпуск к празднику выписать. А Баранову скажи, что текст я забрал. В коллекцию. Хотя мне лично по душе „Боже, меня храни!“

Гимн отгремел...

Народ в штабной палате радостно рухнул на лавки. Петруха, запутавшийся в лентах, с трудом оторвался от стяга и присоединился к народу, а Владимиров продолжил:

– Слово для доклада имеет мой заместитель по высокому моральному духу господин Баранов.

Народ обреченно опустил головы долу и привычно начал похрапывать. А Баранов, заняв свое привычное место на трибуне, вальяжно высморкался и, спрятав платок, бодро загундосил:

– Господа-товарищи. За истекшие тысячелетия наш отряд от дружины по охране рубежей нашей нулевой реальности от внешней нечисти и группы ликвидации нечисти внутренней прошел славный боевой путь до оперативного отряда коррекции открытых и даже закрытых (вялые аплодисменты) реальностей. На нашем боевом счету шестьсот шестьдесят шесть голов Змеев Горынычей, сто сорок, как оказалось, не таких уж и бессмертных Кощеев, восемьдесят семь Идолиц Поганных, семнадцать Одноглазых Лих, сто двенадцать тысяч злыдней и так далее, так далее, так далее. Перечислять нечисть иноземную: джинны там всякие, васивиски (одобрительные аплодисменты), пардон, василиски, пивы (одобрительные аплодисменты), нет, как их – дивы, а также воблины (завистливый стон в зале), то есть, извините, гоблины и прочее – я даже не буду, не хватит никакого регламента. Важно, что мы славно поработали в этом направлении, да и сейчас, несмотря на новые задачи, не оставляем этот аспект нашей деятельности без должного внимания.

Заммордух плеснул из графина в стакан воды, но пить пока не стал и продолжил:

– Поставленные перед нами новые цели обязали нас ко многому. Да, нам пришлось перестроиться, углубить и развить. Как вы все уже хорошо знаете, сегодня главным источником энергии для коррекции реальностей является не только традиционная солнечная прана и лунная мана, но и наши ходячие генераторы, отечественная нечисть: лешие, домовые, анчутки, китавросы, водяные. Созданная по указанию главка в островном Лукоморье резервация-поселение помогла нам не только найти приемлемую форму взаимоотношений с нашими, гм-гм, некогда непримиримыми противниками, но и наладить бесперебойную поставку праны-маны не только в наш родной Аркаим, но и в ряд дружественных нам иноземельных, то есть, скажем прямо, иностранных отрядов коррекции реальности. Прошу приветствовать приглашенного на наши торжества нынешнего мэра Лукоморья столичного товарища Святогора.

Народ в зале захлопал.

Святогор, сидевший рядом с богатырями в последнем ряду, с достоинством встал и приветственно помахал рукой завертевшим головой дружинникам отряда. Баранов ревниво оборвал овации:

– Вместе с тем, заканчивая тему взаимоотношений между Лукоморьем и Аркаимом, я должен признать и ряд наших недоработок. Так, несколько месяцев назад товарищи Муромский, Попович и примкнувший к ним Добрыня, поймав в Лукоморье господина Соловья-барыгу, нанесли ему существенный, но уже привычный ущерб. Поступивший счет от дантиста нами оплачен, но сама конфликтная ситуация должна заставить нас задуматься о многом. Тем более что произошла она как раз после того, как господин Соловей в реальности «Земля-850» по своей личной инициативе оказал нашему отряду некоторые услуги в деле у Калинова моста. И этот случай, увы, не единичен. Товарищ Задов, к примеру... Где у нас товарищ Задов?

– Дежурный по отряду! – выкрикнул из зала Садко. – Бдит.

– Благодарю, товарищ Новгородский. Так вот, товарищ Лев Задов, пользуясь попустительством и дружескими отношениями с руководством нашей единственной заставы в лице уважаемого всеми нами ветерана – товарища Муромского – периодически бегают в самоволку в Лукоморье, где устраивает пьяные дебоши. Ходят слухи, что он крутит там шашни с какой-то берегиней³ и бражничает с лешим Онучем. Слухи, товарищи, не наш метод, если, конечно, мы их сами не распускаем, но прислушаться к тревожному сигналу, я полагаю, следует.

Элегантно застучав Левку, а заодно и Илью, Баранов выразительно покосился на сидевшего в президиуме Владимирова, но тот предусмотрительно отвернулся к Малюте и Фурманову и сделал вид, что доноса не заметил. Баранов горько вздохнул и продолжил:

– Хочу напомнить, что не на высоте у нас и сбережение вверенного нам имущества. Так, товарищ Батыр Бекович Батырбеков, руководивший локальной операцией в реальности «Земля-456», при невыясненных до сих пор обстоятельствах утратил средства полевой связи. Товарищ Батырбеков, мы все еще ждем от вас рапорт.

По залу прокатился легкий шелест ехидного хихиканья. Откровенно и в глаза Баранову рассмеялся один лишь сидевший в партере штабс-капитан Нестеров, дико недолюбливавший заммордуха и явно не понимавший значения должности по поднятию морального духа.

– Сща-ас, – сквозь зубы мрачно напроорочил воздушный ас сидевшему рядом Ване Сусанину, – сща-ас бек все бросит и пойдет писать рапорт.

Сусанин повернулся назад, нашел взглядом вольного сына степей и согласно усмехнулся: как обычно, при звуках голоса Баранова Батыр впал в легкую кому. Вот и сейчас, откинувшись на резной скамье, он блаженно сопел, изредка сладко причмокивая и ворочаясь во сне. К слову сказать, за всю свою службу он писал рапорты только на одну тему – об увольнении. Зато писал их с удовольствием и часто.

– Другой случай, – продолжал Баранов. – Приобретение товарищем Задовым новой папахи и ее последующая утрата. Встаньте, Лев Николаевич, пусть на вас коллеги осуждающе посмотрят. Где товарищ Задов?

– Дежурный по отряду, – напомнил Садко. – Бдит.

– Да, спасибо. Тут, товарищи, такое дело. Во-первых, весьма подозрительны обстоятельства приобретения товарищем Задовым этой самой папахи. Есть основания полагать, что имел место недоказанный мной факт прижизненного мародерства. Ну, это, сами понимаете, еще куда ни шло. А вот пройти мимо утраты вещевого имущества мы не должны. Не так ли, Хохел Остапович?

Начальник отрядного тыла Щирый с готовностью вскочил, ожесточенно закивал головой и замахал загребущими руками. Слов от возмущения у него давно не было.

– Садитесь, товарищ Хохел. Я понял, о чем вы. Мы еще разберемся с этим вопиющим случаем. Да, и хотел бы напомнить товарищу Муромскому, что взятая девять веков назад со склада четвертинка скатерти-самобранки им до сих пор не возвращена.

Хохел, обнажив в улыбке белые зубы запасливого суслика, радостно обернулся к Илье и одобрительно затряс головой, зато Баранов быстро уткнул глаза в текст доклада, чтобы случайно не увидеть, как Илья встал с последнего ряда и показал ему, Баранову, а заодно и оторопевшему Хохелу ловко сложенный кукиш величиной с мелкую дыню.

– Господа, – невозмутимо продолжал заммордуха свой доклад, – приступаю к особо важному вопросу. Напоминаю, что бдительность, бдительность и еще раз бдительность остается главным оружием против наших заклятых друзей по коррекции реальности. Разгулы-рыцари Колченогого стола по-прежнему не дремлют. «Коровьи джедаи» тоже не спят.

³ Вроде русалки, но с ногами и без комплексов.

Смешно говорить, даже японо-полинезийские «Пасынки солнца» постоянно страдают бессонницей. А товарищ Задов в это время спит... Где у нас товарищ Задов?

– Дежурный по отряду, – не удержался в зале Садко. – Бдит.

– Да? Очень сомневаюсь. Товарищ Задов в это время, наверное, листает контрабандный «Плейгерл» из какой-нибудь зачиханной реальности и в ус себе не дует. Теперь об экономии праны-маны...

Пока Баранов занудно распинался о необходимости пресечь факты межреальностного пустопорожного прогона карусели за пивом ⁴, обстановка в зале слегка изменилась.

Дело в том, что в штабную палату тихонько вошел и осторожно двинулся вдоль ее стены Лева Задов. Из заднего кармана его галифе торчал свежий номер какого-то красочно иллюстрированного журнала, но в руках его однополчане узрели до боли знакомый берестяной туесок пневмопочты из главка. Народ в палате подобрался и насторожился.

Скользнув позади трибуны с Барановым, который продолжал бубнить о том, что экономия праны-маны должна быть экономной, Лева подошел к президиуму, протянул туесок Владимирову, а папку – сидевшему рядом Скуратову. Потом, небрежно отдав честь знамени отряда, Задов развернулся и, поскрипывая сапогами, прошел к спуску в зал за спиной Баранова, не преминув высунуть розовый от малины язык, скорчить мерзкую рожу и оттопырить уши.

Народ в зале оживился. Лева явно хотел было на сцене задержаться, но, поймав гневный взгляд Малюты, вытянул руки по швам и ретировался с подиума, да и из штабной палаты заодно.

Впившись глазами в начальника, народ безуспешно гадал, какие новости он так быстро и безмятежно читает. Однако монотонное бормотание заммордуха и спокойствие, с которым Владимиров дочитал, положил в пепельницу и подпалил бересту, быстро успокоило даже самых мнительных. Большинство решило, что телеграмма была действительно из главка – с поздравлениями к юбилею, а то и с объявлением выплаты премиальных.

Что касается папки Скуратова, то она никого не заинтересовала – Малюта, как и все творческие личности, на совещаниях, пленумах и съездах предпочитал тратить время не на выслушивание банальностей, а на работу с документами.

– Что у нас есть по делу зеленого аметиста? – вполголоса осведомился Владимиров, прикрывая рот рукой.

– Все в ажуре, – тихо, но недовольно пробурчал Малюта, раскрывая папку.

Пропустив несколько страниц с фотографиями изумрудного кристалла, экспертным заключением Латына Игарковича, берестяной грамоткой Ивашки, отчетом Ильи, челобитной Сусанина, докладной Нестерова и доносом Хохела, он нашел нужный лист и свистящим шепотом приступил к пояснениям:

– Так. Камень с историей, Дмитрий Евгеньевич. Сам по себе невзрачен, но любопытен. Последний жрец Этрурии ⁵ Митродрит вовремя выковырял сей аметист из шлема несчастного царя и отослал в Восточную Европу с нарочным и своей дочкой двоюродному брату, ведуну Дритомуру. Дочка его, Евдолия, доехала, а камень нет – нарочный перепился в дороге, и его обокрали где-то в Риме. Потом камешек всплыл у пиктов. Местные друиды его секрет едва не разгадали, но вовремя перемерли от свинки. Кристалл провалялся несколько лет у северного конунга Гунтара Рогатого, но потом его жена подарила камешек своему любовнику Олафу.

– Олаф Рыжая Борода? – тихо уточнил Дмитрий Евгеньевич, одновременно благосклонно кивая Баранову, продолжавшему монотонно читать свой праздничный доклад.

⁴ Аркаимская карусель – основной способ перемещения между реальностями и главный потребитель праны-маны.

⁵ Страна этрусков.

– Да, – подтвердил Скуратов. – Олаф впаял аметист в свой шлем и даже один раз случайно им воспользовался.

– Это когда его занесло в «Надежду Валгаллы»? – уточнил Владимир.

– Точно, – согласился Малюта, – там еще был большой скандал и дикий шухер. Руководитель скандинавов потребовал служебного расследования: как простого смертного занесло в закрытую реальность. Они еще...

– Дальше, и по сути, – сухо потребовал Владимир.

– А я что, былины пою? – обиделся Скуратов, но, собравшись с мыслями, продолжил: – Да... Расследование объективных причин пространственно-временного разрыва не выявило, Олаф во время перехода и шлем потерял, и меч.

– Не повезло мужику...

– Пожалуй, да. Но сбруя ⁶ была найдена спустя несколько веков и переплавлена на орала каким-то кузнецом. А камень продан купцам. Они его обменяли на двух рабов у пьяного визирия при дворе крымского хана.

– Уже ближе.

– Так точно. Дальше – лучше. Василь Михалыч Долгоруков-Крымский, а предков его задиристых я лично знавал, нашел сей камешек на развалинах ханского дворца.

– Развалины – его рук дело?

– Уточню, но не сомневаюсь.

– Не надо, это я так, к слову. Дальше.

– Да, собственно, и все. Привез его как сувенир дешевенький да позабыл. А супруга его благоверная, урожденная княжна Настасья Волынская, по карманам шарила, да и нашла ненароком. Еще скандал учинила – каким, дескать, девкам презенты возишь? А он ей – тебе, мол. А она ему скалкой. Решительная женщина, в пращура своего, героя Куликовской битвы Митьку Боброк-Волынского.

– Вот ведь бабы, а, Малюта! – возмутился Владимир. – Ну вечно им любопытно... Я вот тоже так: заныкал десятку как-то, а моя...

– Дальше докладывать? – прищурился Скуратов.

На этот раз слегка обиделся Владимир. Потом тихо рассмеялся и кивнул. А сравнивавший счет Скуратов подвел итоги:

– Волынская вставила камешек в старинный кокошник и подарила дочке, Евдокии. А та на городском балу кокошник тот в благотворительную лотерею пустила. Кокошник выиграл местный отставной чиновник – фанат старины и большой, скажу, оригинал. Он там в городке местном кунсткамеру организовал, по-новому – музей. Поначалу на общественных началах, а потом и от губернатора субсидии вытребовал. Активный такой старикан, бойкий. Начнет говорить – не остановишь. Но местами интересно излагает. Я год назад там был с негласной плановой проверкой – кокошник на месте, и камень в нем торчит.

– Значит, о свойствах аметиста никому точно не известно? – уточнил начальник отряда.

– Абсолютно, – заверил Скуратов, захлопывая папку. – Даже Олафу. Он полагал, что залетел в Валгаллу, нажравшись вареных мухоморов. Эта версия у норвежцев и прошла как единственно возможная.

– Не понимаю, – искренне удивился Владимир, разглядывая пепел от туюска. – Аналитики делают прогноз несанкционированного использования этого артефакта в ближайшие дни. Главк беспокоится о судьбе камня и просит взять дело на контроль.

– Ничего они не знают, аналитики ваши, – злобно зашипел встрявший в разговор Фурманов. – Я им недавно заказал прогноз на футбольный матч. Пять – ноль, говорят. Я всю зарплату поставил. Коэффициент – один к десяти.

⁶ Здесь – оружие.

– Ну и?.. – заинтересовался Владимиров.
– Ну и все, – скривился Фурманов. – Скуратик, займи до получки голодному комиссару.
– По делу говори, – потребовал Владимиров. – Что с аметистом делать?
– Забрать да Хохелу на хранение сдать, – поморщился комиссар. – Бесхозный артефакт страшнее Задова в увольнении.

– Нельзя, – возразил Малюта, доставая из папки какую-то грамотку. – Главк давал указание – не изымать целевые артефакты из родной реальности без крайней необходимости.

– Какой же он целевой? – здраво возмутился Фурманов и тут же снизил голос. – Его еще этруск твой кому-то высылал. Это когда еще было.

– Дело темное, – извлекая еще один документ и показывая Фурманову, заметил Скуратов. – Евдолия, дочь того жреца этрусского, до места, как я говорил, все-таки доехала, хоть и без аметиста. Так вот Евдокия Долгорукова-Крымская – ее прапрапра...внучка.

– Дошел, стало быть, камешек, – невольно присвистнул Владимиров и, глянув на прикусившего язык Баранова, сделал ему знак продолжать доклад.

– Это другой коленкор, товарищ, – тихо согласился Фурманов. – Стало быть, у кристалла судьба еще в будущем. Любопытно.

– Подведем итоги, – еле слышно предложил командир отряда. – Исторической и финансовой ценности камешек не представляет. Никому он, кроме директора музея, не нужен. Секрет его – способность перемещать владельца по реальности, если он вправлен в головной убор, – никому не известен. А вывод?

– Пусть в витрине пылится. Проверить сохранность и выставить караул дня на три, – заключил Фурманов, теряя интерес к теме разговора и вновь уткнувшись в таблицу предстоящих игр футбольного чемпионата и бланк тотализатора. – Пока аналитики наши не уймутся.

– Согласен, – подтвердил Скуратов. – Я сам съезжу. Сегодня под вечер и вылечу.

– Садко возьми, – посоветовал комиссар, не отрываясь от изучения служебных документов. – Изнылся весь, бедолага. По Руси соскучился. Ностальгия, говорит. Мало ему звонца Дурова и березок в саду за штабом.

– Надо бы еще одного, – задумался Владимиров. – Может, Петруху?

– Дмитрий Евге-э-эньевич, – умоляюще сказал Скуратов. – Избавьте, Христа ради прошу.

– Ладно, – решил Владимиров, – сыграем в рулетку. Добровольца вызовем.

– Ставлю пайковые на Петруху, – оживился Фурманов.

В зале послышался неясный шум – народ просыпался и кое-где для разминки даже флегматично хлопал в ладоши. Закончивший доклад Баранов, довольный собой и жизнью, бодрым аллюром возвращался в президиум.

– Господа, – вернул бразды правления в свои руки Владимиров, – доклад окончен. Надеюсь, что все мы, включая Задова, извлечем из него что-нибудь полезное и сделаем правильные выводы.

– Ага, – себе под нос подтвердил Фурманов, пока заммордух шагал к столу, – регламент в следующий раз ограничим вдвое.

– Втрое, – насупился Скуратов.

Фурманов мгновение посомневался, но здраво рассудил, что ссориться с потенциальным кредитором ему ни к чему. Комиссар с контрразведчиком обменялись крепким рукопожатием.

А Владимиров между тем продолжал:

– Торжественная часть закончена. Далее по распорядку дня и по случаю юбилея – банкет. Но есть еще один открытый вопрос. В реальность «Земля-812» убывает опергруппа в

составе господ Скуратова и Новгородского. Работа профилактическая – эксцессы не ожидаются. Нужен еще один, но опытный товарищ. Желающие?

Народ еще сомневался, стоит ли менять банкет в руках на командировочные в небе, а Сусанин, сидевший у прохода в своем неизменном армяке, уже действовал. Сорвавшись с места и едва не споткнувшись, он метнулся к двери и уже оттуда убедительно потребовал:

– Меня пиши.

Убедившись, что искомый доброволец нашелся, Владимиров с чистой совестью закрыл собрание. Дружинники, приняв к доносившимся из отрядной столовой ароматам, разбрелись по теремкам и избам за фраками. В штабной палате остались только Владимиров, Скуратов и Садко.

Сусанин обернулся быстро. За пару минут – а терем его стоял как раз напротив штаба, – он успел из повседневного армяка переодеться в армяк походный. Отличались они, впрочем, только количеством заплат. Кроме того, свои валенки Сусанин сменил на онучи с лаптями, а в правой руке сжимал именные вилы с длинным рядом глубоких зарубок.

– Иван, – поморщился Садко, – тебе же по-русски сказали: на профилактику летим.

– Ничего, – хмыкнул ничуть не смущенный Сусанин, втыкая вилы в пол на глубину мизинца. – Авось сгодятся.

– Предусмотрительно, – заметил довольный Скуратов, одобрительно поглядывая на вилы. – Профилактика профилактикой, а бдительность утрачивать негоже. Вы, товарищ Садко, доклад плохо слушали.

– У меня слух музыкальный, – возмутился купец.

– В таком случае слушайте меня внимательно, – отчеканил сквозь зубы Скуратов, – Вылет через час. Форма одежды – согласно реальности места назначения. Рандеву у карусели. Свободны.

Садко презрительно усмехнулся и, зацепившись кафтаном за лавку, встал по стойке «смирно».

– Во-во, – чуть успокоился Малюта, разжимая зубы, – продолжайте в том же духе.

* * *

– Это что такое? – глядя на Садко, орал Скуратов спустя час у карусели. – Вы на маскарад собрались или на боевую операцию? Где вы видели в начале XIX века вязаные шапочки? И зачем вам лыжи, скажите на милость?

– Так там зима на носу, – вяло оправдывался гусярствующий купец, неловко поворачиваясь и едва не выкалывая Малюте глаза лыжными палками. – Я же по вашей просьбе специально в метеослужбу главка звонил. Аналитики прогнозируют – завтра там от минус пяти до минус семи. Снежный покров до полутора локтей. Солнечно, ясно. Давление...

– Будет тебе давление, – пообещал Скуратов, забрасывая походный вещмешок на спину крупной расписной белой с желтым лебедушке. – Как вернемся, так сразу. За мной не заржавеет.

Карусель, набирая обороты, заскрипела шестернями и тихонько пошла по кругу. Сусанин сидел на огромном добродушном медведе, Скуратов – на персональной жирафе, которую побаивались занимать даже в его отсутствие, а облаченный в спортивный костюм с подогревом Садко Новгородский с журналом «Слалом сегодня» развалился в расписных санях.

Море и остров, сменяя друг друга, замелькали перед глазами десанта все чаще. Наконец карусель сочла, что набранная ею скорость вполне приемлема, и аккуратно начала перемещение. Уже исчезая, она спохватилась и все-таки включила громкую связь. Из старенького

громкоговорителя слышалось патефонное шипение, и Александр Вертинский проникновенно пожаловался:

Я не знаю, зачем
И кому это нужно...
Кто послал их на смерть
Недрожавшей рукой?

Суеверный Садко сплюнул на голову несчастного Петрухи, который до последнего упрашивал Скуратова поменять его на Сусанина, и сейчас был единственным на берегу провожающим и слушателем. Садко в Петруху не попал, и настроение у него почему-то испортилось. Десять минут спустя он понял почему...

– Ну и где твой снег, турист? – ехидно осведомился мрачный Скуратов, когда карусель замерла на полянке посреди березовой рощицы, деревья которой еще были покрыты золотой листвой.

– Завтра, – неуверенно пообещал Садко, с сомнением поглядывая на лыжи.

– Ну-ну, – нехорошо прищурился Скуратов. – Слезай, Ваня, приехали.

Сусанин, охая и придерживаясь за поясницу левой рукой, сполз с медведя, ласково потрепав его ладонью по загривку.

– Радикулит, – пожаловался он. – Проклятые шляхтичи.

– Вернемся – нацеди яда из Задова, – серьезно посоветовал Скуратов, – и разотрись. Скажи, что я разрешил... Так, городок у нас вон там, за Лысой горкой.

– Милый городок, – искательно улыбнулся Садко, желая подлизаться к начальству и снять легкую напряженность, возникшую в отношениях с первых же минут командировки.

– Тебя не спросили, – огрызнулся Малюта, но слегка отмяк и, повернувшись спиной к проштрафившемуся гусяру-купцу, вздохнул: – Городок древний, столице ровня, ежели не старше. Рузой кличут. Швейцария подмосковная. Юрка Долгорукий в эти края как-то приехал, поглядел на вотчину свою, поохал и молвил: лепота, мол, писаная. Нет, глаголет, неча тут грязь разводить. И основал стольный град на сто верст восточнее.

– Это надо же, – умилился Садко, всплескивая руками и ища глазами, куда бы засунуть лыжи, чтобы они опять не попались на глаза Малюте.

– Стоять! – не поворачиваясь, заревел Скуратов. – Лыжи с собой потащишь. Будешь знать, как прогнозы слушать. И вот еще что... на тебе, переоденься.

Малюта извлек из вещмешка какое-то тряпье и небрежно швырнул его Садко. Тот брезгливо развернул сверток и застонал – штаны из дерюги, драная цигейка и старые лапти франтоватому купцу пришлось хотя и впору, но явно не по душе.

Ворча и стеля, он все-таки облачился в лохмотья и лишь свою спортивную шапочку с эмблемой мадридского «Реала» отказался снимать наотрез. Скуратов досадливо махнул на Новгородского рукой и переоблачился сам. В форме гвардейского капитана при рыжей бороде и сабле он смотрелся достаточно внушительно, поэтому жаловаться на вшей в своем новом прикиде Садко остерегся.

– Легенда такая, – оглаживая бороду, грозно сверкнул очами Малюта. – Я направлен за фуражом. Вы – мобилизованные мне в подмогу крепостные. На людях шапку передо мной почаще ломайте. И особенно ты, господин Великий Новгород.

Скуратов ни за что бы себе не признался, что его неприязнь к Садко вызвана тривиальной черной завистью к новгородским вольностям, которые, к слову, по повелению Ивана Грозного он же, Скуратов, в свое время у новгородцев огнем и мечом и отнял. Впрочем, отрядному священнику Шаманову и комиссару Фурманову в своем грехе Малюта признавался.

Латын Игаркович за черную зависть наложил на Скуратова епитимью – выучить наизусть былину «Садко и Царь подводный». А комиссар провел с Малютой дружескую беседу по поводу расизма, из которой чего-то, видимо, недопонявший контрразведчик неожиданно вынес:

во-первых, интернационализм – это равная ненависть или равная любовь ко всем ино-
родцам без исключения;

во-вторых, от любви до ненависти – один шаг;

в-третьих, Фурманову было наплевать на происхождение Садко, а вот тот факт, что товарищ Новгородский за собой посуду в столовой не всегда выносит, действительно возмутителен.

Былину Скуратов за полгода вызубрил, но с тех пор невзлюбил Новгородского еще больше, хотя, впрочем, и отдавал ему должное в делах, связанных с внешнеторговыми операциями Аркаима, и ценил как опытного водолаза...

– Воз с сеном надобен, – выслушав легенду прикрытия, резонно заметил обстоятельный Сусанин, на ходу выправляя оселком зубьявил. – Фуражир без сена – как баба срамная в притоне. Кто ж ей, гулящей, поверит, что она туда за томиком Ахматовой зашла?

– Зачем сено? – запротестовал Садко. – Вовсе не надо никакого сена! От него головная боль одна. Мы, может, только едем еще за ним, за сеном твоим, будь оно неладно.

Скуратова сено, как, впрочем, и солома, интересовали не больше прошлогоднего снега, но он не упустил случая лишний разок погнобить Садко.

– Товарищу Сусанину за проявленное внимание к достоверности легенды прикрытия – трое суток к отпуску. Господину Новгородскому за пренебрежительное отношение к вопросам маскировки – трое суток гауптвахты.

Озлобленный и впрямь непомерно суровым наказанием Садко чуть было не объявил сидячую забастовку, но, скрипнув зубами, смолчал, поскольку они как раз форсировали очередную лужу по разбитой вдрызг поселковой дороге.

– Воз с сеном реквизируем ближе к городу, где-нибудь на окраине, – привел подчиненных к общему знаменателю Скуратов – и не удержался: – В боевой обстановке все разрешено. Мы всегда в Новгороде так делали. И никто, заметьте, не жаловался.

– Не надо реквизировать, – вздохнул Сусанин, по доброте душевной жалевший бедных обывателей любой отечественной реальности. – Вона повозка стоит. Брошенная чавой-то. Правда, лошади нет.

– Есть лошадь, есть! – облегченно и радостно заорал Садко Новгородский, указывая куда-то в сторону. – Вон она, пасется, милая.

Зная характер Скуратова, Садко не сомневался, что в случае отсутствия одной лошадиной силы гужевого транспорта Малюта, не задумываясь, впряжет в телегу именно его.

– Жидковатая какая-то, – оценивая поглядывая то на кобылу, то на Садко, подтвердил Малюта худшие опасения подчиненного.

– И вовсе нет, – возмущенно запротестовал купец. – Это только вид такой, порода такая. А сама выносливая, по копытам видно. И хвост у ней знатный. Добрая лошадка! Правда, Ванюша?

– А и то, – подтвердил Сусанин, втыкая вилы в землю и направляясь к кобыле. – Сойдет.

Миновав деревянный мост, отделявший центр города от заречья, они направились по чрезвычайно крутой булыжной мостовой вверх. По правую руку от них высился довольно высокий холм, слева же стояли кривоватые бревенчатые дома. Садко, держа клячу в поводу, месил осеннюю грязь пехом, Сусанин с вилами на плече шагал позади телеги, Малюта же, удобно устроившись на сене, победно осматривал окрестности.

– Ничего не изменилось, – с удовлетворением заметил он, снимая головной убор и осеняя себя крестным знамением на купол постепенно открывающейся за холмом в ранних

осенних сумерках церкви. – Тпру, залетная. Слышь, Садко, тебе сказано – тпру. Вишь, дома каменные пошли. Нам теперь направо.

Холм кончился, крутой подъем и поворот направо вывел десант к базарной площади. Торговые ряды по причине позднего часа были, естественно, пусты, да и не особенно обширны: с два десятка крытых дощатым навесом прилавков, за которыми еще копошились убиравшие свой товар – картошку и лук – заезжие торговцы.

– Туды, – распорядился Малюта, спрыгивая и разминая ноги. – Шевели копытами.

Они пересекли площадь и, оставив телегу на углу у трехэтажного домика, постучались в дверь соседнего здания.

– У-езд-но-е каз-на-чей-ство, – по слогам вслух прочитал Сусанин, водя пальцем по бронзовой табличке и недоуменно оборачиваясь к Скуратову. – Валютный банк, что ли?

– У них вход со двора, – чему-то улыбаясь, пояснил Малюта, продолжая колотить сапогом в дубовую дверь. – За кредитами – всегда со двора. Ниже читай.

– Рузская краеведческая кунсткамера, – перешел ко второй табличке ветеран русско-польских баталий. – Режим работы... Короче, ясно. Закрыто уже.

– Откроют, – заверил бородатый капитан Скуратов. – Я слово секретное знаю. У хранителя здешнего квартирка при музее.

– Ну кто там еще на ночь глядя? – раздался из-за двери старческий голос, и удерживаемая колодезной цепью дверь приоткрылась на ширину ладони. Мерцающий огонек свечи осветил добродушное пожилое лицо грузного и явно подслеповатого хранителя провинциальной кунсткамеры.

Скуратов, воровато оглянувшись, сунул в щель какую-то серебряную монету.

– Батенька мой! – ахнул, поднося монету к носу, хранитель. – Это ж целковый Святослава. Его ж, поди, и в Эрмитаже нет. Вы его в фонд музея жертвуете?

– Нет, – уточнил Скуратов. – Но на экспертизу вам дам.

– Это одно и то же, – заверил хранитель, пристроив на приступок подсвечник. – Погодите, господа, погодите. Тотчас и открою.

Дверь прикрылась, что-то загремело, защелкало, зазвякало, и дверь – на этот раз настежь – открылась вновь.

– Проходите, господа...

Десантники вознамерились было тихонько просочиться в дом, но в этот момент сзади раздался суровый голос:

– В столь поздний час и в столь грозное для Отечества время шляться после десяти по городу взбраняется! Па-апрошу документы, судари!

Скуратов обернулся.

– Полицмейстер здешний, – представился суровый обладатель баса, – Бушин.

– Гвардии капитан Бельский, – выступая под свет чахлого площадного фонаря, отрекомендовался Малюта ⁷. С фуражом и крепостными следую в полк.

– Виноват-с, форму не приметил. – Полицмейстер чуть смутился. – Странная она какая-то. Извините... Так ежели заночевать надобно, то, значит, ко мне милости прошу. Без церемоний, сударь. Самоварчик раздуем.

– Не надо, Андрюшенька, – замахал хранитель руками. – У меня они останутся. И мне спокойней, при офицере-то.

– Оно и верно, – задумался полицмейстер. – Пойду я. Честь имею!

Довольный, что все обошлось, Садко сделал было попытку сунуть полицмейстеру ассигнацию за беспокойство, но тот при виде оборванца с бумажкой в руке только махнул рукой:

⁷ Малюта не врет. Он не просто Скуратов, а именно Скуратов-Бельский.

– В управе, холоп, подорожную выправишь. Утром. И ежели от господина офицера хоть на полверсты отобьешься – собственноручно на съезжую сволоку.

Благосклонно глянув на опрятного Сусанина, стоявшего по стойке «смирно» с вилами к правой ноге, полицмейстер еще раз отковырял Скуратову и пошел гонять припозднившихся горожан.

– Отрадно видеть столь ревностное отношение к делу, – заметил Малюта хранителю музея, поднимаясь по скрипучей лестнице. – Надобно поощрять таких преданных слуг царя и Отечества.

– Старый мой знакомец, – поделился приятными воспоминаниями хранитель. – Мальчонкой еще мне черепки таскал. Трипольская культура, знаете ли, у нас широко представлена и...

– Ша, батяня, – оборвал его Скуратов. – Меня-то помнишь?

– Как же, ваш сиясь, – понизил голос до шепота хранитель. – Нонешний год вы с тайным поручением-с от канцелярии графа Н-ского наведывались. Только вот, что проверяли, не сказывали. Обидно-с даже. А у меня тут все чин по чину, порядок армейский. Сами извольте убедиться, если пожелаете.

– Знаю я этот порядок, – нахмурился Скуратов, входя в комнату и спотыкаясь о какой-то хлам. – В прошлом году я у тебя в фондах госномер триумфальной колесницы Юлия Цезаря видел. «РИМ 00-01», если не ошибаюсь. Под кучей гербариев пылился. Почему не в экспозиции?

– Ну да! – возмутился и прямо затрясся старик. – Сейчас все брошу и выставлю. Сопрут! Сопрут как пить дать. Я вот давеча телегу выставил: XV век, а как новенькая. В пятницу музей закрыл, а в субботу утром иду от Дмитровской, а мне пареньки навстречу. Шапки ломают, а коня с повозкой, гляжу, гонят шибко. В кунсткамеру пришел, а телеги и нет. Поминай как звали. И как они ее в окно вынесли – ума не приложу.

– Изворовался народ, – согласился Скуратов, извлекая из мешка и ставя на инкрустированный стол бутылку ликера. – Поймать да высечь.

– Секли, – вздохнул старик. – А толку? Они, стервецы, телегу цыганам продали. Ищи теперь ветра в поле.

– Короче так, батя, – разливая ликер по фаянсовым чашкам, предупредил Скуратов. – Я у тебя два-три денька поживу, дела у меня в городе.

– И слава богу, – согласился хранитель. – В такие времена за музеем присмотр нужен. Я губернатору так и докладывал нонче. У нас одних черепков трипольских...

– Не надо черепков, – взмолился Скуратов. – Давай самовар, что ли?

Для дорогого гостя любитель древности пошел искать среди экспонатов самовар поавантажнее, поэтому у Скуратова нашлось время, чтобы посвятить коллег в некоторые частности:

– Значит, так: старика не обижать, он, бедолага, над каждой рухлядью трясется. Звать его Волокос Сергей Львович. Чиновник из отставных. Пенсион хилый, да и тот он тратит на блажь свою музейную. Теперь вот что... Я на ночь в зале устроюсь, к кокошнику поближе. Ты, Вань, переночуй на лестнице... Ну, где ниша, видел, наверное? Там тепло у печки.

– А я? – поинтересовался Садко в наступившей паузе.

– Хотел тебя в резерв поселить, – насутился Скуратов. – На кушетке в чулане. Но коль такое воровство – сегодня на ночь в караул пойдешь.

– Сено охранять? – возмутился Садко.

– Легенду, – невозмутимо поправил его Скуратов. – И не выходи из образа, холоп. Давно батоги не пробовал?

Садко забился в угол комнаты и обиженно заворчал:

– Ничего-ничего... Недолго ждать осталось. Прихлопнут твое право крепостное – вот ужю подпущу я тебе петуха красного в палаты белокаменные...

– Чего-чего? – переспросил Скуратов, невольно протягивая руку к сабле.

– Это он в образ входит, – успокоил коллегу Сусанин. – По Станиславскому.

– Ну-ну, – несколько успокоился Скуратов, но про себя поклялся по возвращении в Аркаим прикупить в свой терем пару огнетушителей.

Сергей Львович между тем принес заварной чайник, три треснутые чашки из фаянса, фарфора и глины, а еще одну – чашку Петри – для себя.

Выдув из своей посудинки какие-то реактивы в сторону невезучего Садко, хранитель разлил чай с ликером и начал жаловаться на скудость средств, коих не хватает для раскопок на местном городище с целью изучения трипольской культуры.

Убаюканные речью неумного энтузиаста, Сусанин и Садко дремали, лишь изредка просыпаясь и невпопад кивая. Вежливый Скуратов крепился долго. В конце концов он не выдержал и грубо поинтересовался, нет ли для светской беседы темы поинтереснее.

– Есть, – понизил голос хранитель. – Я сейчас.

Сергей Львович вышел в коридор и начал копаться в своих завалах. Загремев, рухнули на пол рыцарские доспехи, покатился по полу уникальный детский горшок из бронзы, посыпалось что-то с полок со склянками и керамикой.

– Вот, – сияя улыбкой, торжественно провозгласил хранитель, появляясь в дверях.

– Что это? – брезгливо взял двумя пальцами замусоленный листок Скуратов.

– Осторожнее! – завопил возмущенный директор музея. – Уникальный же документ!

– Что, – внятно повторил бородатый капитан, – *это* ?

Сергей Львович выдержал многозначительную паузу и только затем торжественно признался:

– Это писанный собственноручно Малютой Скуратовым-Бельским своему господину Иоанну Васильевичу Грозному отчет о проделанной работе в первом квартале лета такого-то! Представляете? Бумага без подписи, но уникальна!

– Чем? – нахмурился Скуратов.

– Последний абзац, – зашептал музейщик, поднося свечу поближе к тексту исторического документа. – Вот тут...

– А еще доношу тебе, пресветлый государь мой, что гнида ползучая, сиречь изменник князь Курбский, по повелению твоему топором в голову в Ливонской земле настигнут и урублен не на жизнь, а на смерть. А за вместо его под личину татя посажен мною ушкуйник Торопка, ибо зело он на князя похож и брехлив так же. Доносы тайные от Торопки кажинный месяц ждать нам след, – прочитал Малюта вслух. – И что?

– Как вы не понимаете! – всплеснул руками любитель древностей. – Это же в корне меняет наши взгляды на историческую роль князя Курбского в последующих событиях. Ах, если бы я мог доказать, что этот документ был подписан именно Скуратовым...

– Ничего это не меняет, – возвращая раритет, равнодушно зевнул Скуратов. – Для Курбского, во всяком случае. Разве что Торопку попомнят. Дай-ка перо, кстати.

Музейщик принес и гусиное перо, и полную мух чернильницу. Разогнав гусиным оперением мух по углам, Скуратов обмакнул стило и на глазах опешившего Сергея Львовича небрежно подмахнул раритет. Потом, подув на документ, вернул его энтузиасту:

– Губернатору подсунь. Авось и даст денег на культуру твою трибемольскую. Только, чур, с денег тех свечку поставь. На помин души Торопки. Смелый мужичонка был, царствие ему небесное. Пять языков знал, собака брехливая.

– Ваш сиясь! – схватился за сердце отставной чиновник. – Вы ж документ исторический извели.

– Неужели? – небрежно отмахнулся Малюта. – А ежели не нравится – так оторви. Я там от текста отступил и расписался с запасом.

Сергей Львович впился близорукими глазами в бумажку. Потом глаза поднял и ошумело открыл рот:

– Если бы своими глазами не видел... Мистика прямо... Почерк-то идентичный.

– Ну и?... – полюбопытствовал Скуратов. – Отрежешь?

– Вообще-то музею деньги бы не помешали, – вздохнул и задумался любитель старины. – С другой стороны, документ-то подлинный. С третьей – подпись. Подпись-то того... Хоть и не отличишь.

– Ни один эксперт не распознает, – заверил Сусанин.

– Есть еще одна сторона, – усмехнулся проснувшийся Садко.

– Да? – заинтересовался мнением оборванца хранитель уездной старины. – Какая, позволите узнать?

– Историческая правда, – сладко потянулся Садко. – Кому какое дело до подписи, если документ подлинный? А?

– Пусть полежит, – отложил историческое решение Сергей Львович. – Ваш сиясь, вы где нынче почивать изволите? Как давешний год, в зале крестьянского быта? Или вам в раннем неолите постелить?

* * *

...Предварительно убедившись, что заветный стенд с россыпью пуговиц, прялиц, катушек, иголок, веретенец и прочей бабской атрибутикой кройки и шитья по-прежнему венчает кружевной кокошник с невзрачным зеленым камешком, Скуратов поворочался на диванчике еще минут пять. В углу приятно гудела струя теплого воздуха, поднимающегося из печки по трубе дымохода, а в деревянных панелях стен ласково зудел сверчок. К покою располагало все – а особенно мысль о том, что в холодной осенней ночи, то прячась от холода в кучу сена, то выскакивая и хлопая себя по цигейке, мерз потомственный купец Садко Новгородский.

«Не люблю купцовское отродье, – подумал потомственный дворянин Скуратов-Бельский. – Чехов прав: такие, волю им дай, и вишневый сад в родовом дворянском поместье вырубят, и Отечество родное за фунт стерляди продадут. Только шиш им, а не сад».

С этой сладкой мыслью Малюта и уснул. Снился ему Садко на дыбе в родных скуратовских застенках.

Проснулся бородатый капитан около восьми утра от истошного крика на базарной площади.

Орал, естественно, Садко, поэтому поначалу Малюта лишь ухмыльнулся. Затем ухмылка постепенно сползла с его сурового лица: к воплям Садко присоединился тревожный крик Сусанина. Натянув мундир и прихватив саблю, Малюта распахнул окно.

В углу площади его сослуживцы оборонялись от полусотни солдат и двух офицеров регулярной части.

– Странные какие-то мундиры, – успел подумать Скуратов, выскакивая в окно. – На французские похожи...

Сражение за воз сена в 1812 году вошло в историю Рузы как крупнейшая баталия регулярных частей в пределах уездного городка. Виновником его, естественно, стал Садко.

Дело было так.

Накануне командир французского корпуса генерал Богарне зашел к Наполеону за очередными указаниями, но неожиданно попал в немилость. Наполеон, озабоченный своим ночным проигрышем в очко маршалу Мюрату, указал Богарне на дверь. Глуховатый Богарне,

перепутав глухие и звонкие согласные, добросовестно попер на Тверь, но в пути, как водится, заблудился.

Следуя транзитом через населенный пункт Дубки, француз напоролся на русского генерала Милорадовича, который, по традиции и обыкновению всех русских генералов, потерял связь с Кутузовым и в свою очередь метался по Подмоскovie в поисках хоть какого-нибудь применения сил своих озверевших от скуки драгунов.

Столкнувшись под вечер нос к носу, Богарне и Милорадович очень обрадовались: у француза появилась реальная отговорка от вояжа в Тверь, а у русского – шанс поймать и пленить достойного собутыльника. Дело в том, что в русских войсках исключительно высоко отзывались о способности пленных французов пить не только классические вина, но и банальный самогон.

Оба командующих были высокoкклассными специалистами, поэтому авангард Богарне зашел в тыл Милорадовича, а авангард Милорадовича сел на хвост замыкающему отряду корпуса Богарне.

Всю ночь передовые части французов гонялись за арьергардом русских, в то время как передовые части русских неумоимо преследовали арьергард Богарне. Основные силы, послушно следуя за своими авангардами, в бой не вступали – им вполне хватало проблем с перетаскиванием пушек и ядер с места на место.

Хождение по кругу продолжалось всю ночь, так что к утру противники совершенно выдохлись. Вспотевший Богарне первым решил, что на сегодня ему войны достаточно, и, отослав в ставку реляцию о своей полной победе, дал корпусу команду рассеяться по окрестным лесам. Точкой randevu он объявил Звенигород. Более последовательный Милорадович походил вокруг Дубков еще час, отослал не менее победоносную реляцию и, вдохновленный победой, перекрыл дорогу на Тверь не только французам, но и беженцам из окрестных деревень и городков. Но оставим Милорадовича и вернемся к Богарне.

Один из отрядов его рассеявшегося корпуса вместо Звенигорода попал в Рузу⁸. Ворвавшись в город, французы, как истинные европейцы, первым делом занялись мародерством. Начитавшиеся галантных французских романов обыватели с изумлением наблюдали, как из их перин полетели пух и перья, а из сундуков и шкафов – отрезы сукна и прочее тряпье.

Все шло просто замечательно, пока один из офицеров корпуса не обнаружил на окраине площади ничейный воз с сеном.

Француз несколько раз обошел вокруг воза, вытянул пучок сухой травы, попробовал его на вкус и счел фураж вполне пригодным. Двое солдат его команды уже были взяли лошадь под уздцы, намереваясь увести несчастную в полон, как вдруг сено зашевелилось и на свет показалась взъерошенная голова промерзшего до костей Садко.

– Отвали, – хмурo посоветовал Новгородский гренадерам, отрясая голову от мусора.

– Мон шер ами, – приближаясь, приветствовал хозяина повозки элегантный французский офицер. – Моя мала-мала тебе платить и сухая трава забирать. Твоя купить водка и танцевать камаринскую. Уи?

Офицер был человеком воспитанным, на досуге почитывал книжки своего полкового товарища Анри Бейля⁹ и вообще в глубине души был человеком чести. Поэтому он тут же извлек из кошелька стопку фальшивых ассигнаций и выразительно ими захрустел.

Предприимчивый Садко прикинул толщину стопки, здраво рассудил, что ему лично сено ни к чему, и резво спрыгнул с воза.

⁸ Собственно до Звенигорода дошло лишь три отряда. Остальные разбрелись по империи, а одна группа несчастных через несколько лет была обнаружена в Сибири.

⁹ Он же Стендаль, автор романа «Красное и черное». Служил под командованием Богарне и оставил записи о походе Наполеона в Россию.

Акт купли-продажи партнеры скрепили крепким рукопожатием, после чего офицер поднял было руку, давая отмашку подчиненным, но тут, проверив одну из ассигнаций на свет, Садко обиженно завопил и, отшвырнув гренадеров в стороны, вернулся в родной воз и приготавился к обороне.

Офицер, как уже упоминалось, был человеком европейской чести. Коль скоро сделка была расторгнута, он предложил Садко вернуть деньги. Садко, руководствуясь принципом «что с воза упало, то пропало», возразил в том духе, что подделка государственных казначейских билетов преследуется по закону и что он, Садко, выражая этого закона интересы, лично отдаст банкноты на экспертизу. Купец-гуслияр извлек из стога лыжную палку и, нервно тыча ею в харю самого наглого гренадера, отогнал его от повозки.

Офицер, улыбаясь, бросил на штурм воза десятков солдат. Садко истошно завопил. Ему пришлось бы совсем плохо, но тут на площадь из двери выглянул Сусанин.

– Только никуда не уходите, – проникновенно попросил он оккупантов. – Я быстро.

Он метнулся наверх за вилами и тотчас присоединился к приятелю. На пару дело у них пошло веселее. Садко – пока безуспешно, но азартно – норовил выколоть мародерам их завидующие очи, а Сусанин, цепляя вилами гренадеров за амуницию, только натужно покрывал, перекидывая их себе за спину, как тюки сена на сеновале. Учитывая, что за спиной его была каменная стена, большинство французов – даже из тех, кто сознание не терял – вступать в бой повторно остерегались.

Не исключено, что вошедший во вкус знакомой с детства крестьянской работы Сусанин перекидал бы в кирпич всех супостатов, но тут на помощь оккупантам пришла еще пара десятков французов.

В этот момент на поле битвы и объявился Скуратов. Глаза его горели, борода развевалась на ветру, сапоги, начищенные еще с вечера, сияли, а сабля, естественно, сверкала.

Короче, силы противников вмиг уравнились.

А тут подоспела и вовсе неожиданная помощь: патриотично настроенные дамы, с горящими глазами азартно наблюдавшие за схваткой со второго этажа близлежащего дома, обрушили на ошалевших гренадеров град горшков с геранью и фикусами. В довершение всего директор местного музея, сопя от натуги, выставил на подоконник свой любимый экспонат – чугунную пушечку эпохи Ивана Грозного. Прикрыв левое ухо ладонью, он подпалил фитиль и тут же заткнул и правое ухо. Пушка, ахнув, с подоконника улетела в глубь залы, но картечь из крупной поваренной соли улетела по назначению – на площадь. Больше всего досталось несчастным торговцам, но перепало и гренадерам.

Однако важен был не реальный урон, а психологический эффект. Завоеватели дрогнули. В сей же час на площади объявился полицмейстер с десятком сослуживцев и, с удовольствием обнаружив беспорядок, стал его устранять единственно доступными полиции методами.

Взбешенные своей порцией соли торговцы из Азии утруждаться поиском истинного виновника тоже не стали. Обнаружив, что под прикрытием полиции можно безнаказанно почистить рыла каким-то пришлым шаромыжникам¹⁰, они, похватав тесаки и ножи, споровязались в драку. Кто-то из них бросил уходящий в глубины веков национальный боевой клич: «Нет переделу рынка», и после этого судьба французского нашествия в пределах уездного городка была решена. Оккупанты покинули город стена и ахая, под торжествующий набат церковной колокольни.

Увлеченные преследованием супостата Сусанин, Садко и Малюта, утирая пот, вернулись на площадь только спустя час. Трем группкам рассеявшихся французов удалось ускользнуть, и Сусанин недовольно ворчал по этому поводу – его вилы мало поработали.

¹⁰ От французского «шер ами».

Возвращение их было бы триумфальным, если бы не одно «но». Музей горел. Собственно говоря, сам пожар уже был потушен, но струившийся из окон дымок явственно указывал, что без потерь дело не обошлось.

Скуратов широкими прыжками взлетел по лестнице в комнату. Хранитель с перевязанной головой горестно сидел у разбитой витрины и безутешно плакал.

– Разорили, ироды! – сокрушался отставной чиновник. – По миру музей пустили. Обокрали, нехристи парижские!

– Что? – холодея от нехорошего предчувствия, замер Скуратов.

– Кокошничек сперли, гады, – ткнул толстым пальцем в витрину Сергей Львович.

– И все? – осведомился недоумевающий Садко.

– Вам мало? – обозлился хранитель. – А вы знаете, что если каждый из Эрмитажа по крупинке перекупщикам вынесет, то следующему поколению выносить уже нечего будет? Э, да что с вами говорить...

– Не переживай, папаша. – Сусанин понял, что для его вил еще не все потеряно. – Кто спер?

– Офицерик, должно быть, – с внезапно загоревшейся надеждой историк повернулся лицом, но не к Сусанину, а к Малюте. – У меня тут огонь занялся от залпа, а он как раз и забежал – за пушку поквитаться. На меня сабелькой махнул, но тут его полицмейстер наш спугнул. Офицерик руку в витрину сунул, схватил кокошник, и деру. Сувенир, дескать. Только где ж вы его теперь сыщете?

– Сыщем, – объявил свое решение Скуратов, теребя бороду. – Мне все одно тут, в городе, задержаться следует. Инспекцию богоугодных заведений надо провести. За мной!

* * *

– Разделимся, – напившись из ковши колодезной воды, вытер рот Скуратов. – Рассыпемся и пойдем цепью. Сдастся мне, они по старой Смоленской дороге пойдут, так что общее направление ясное.

– Почему по старой, а не по новой? – заинтересовался Садко.

– Ты, кроме устава, какие-нибудь книжки читаешь, купчина? Или комиксами кругозор расширяешь?

– Моя коллекция комиксов лучшая в Евразии, – обиделся Садко. – Вот только про Микки-Мауса одного номера нет.

– Ясно, – нахмурился Малюта. – Короче, имей в виду, что война тут Отечественная. Одна тысяча восемьсот двенадцатого года. Не слышал про такую?

– Как же! – вспомнил Садко. – Давеча в клубе «Гусарскую балладу» крутили. Там, правда, снег был.

– Во-во. Угадали аналитики, ядри их коромыслом, – будет снег. Словом, обстановка такая: три группки вражьи из городка утекли, и нас трое. Ясно?

– Ясно, – подтвердил Сусанин. – Только как-то неловко на троих соображать, пока дело не сделано.

– Да нет, – прояснил ситуацию Садко. – Это значит, каждому по группе и – в погоню. Я верно кругозору, товарищ Скуратов?

Скуратов недовольно кивнул.

– мудро, – нехорошо обрадовался Сусанин, ласково поглаживая вилы. – Стало быть, поодиночке будем сено заготавливать.

– Без смертоубийств, – напомнил Скуратов. – Реальность тутошняя на переломе, никаких явных вмешательств.

– Что ищем-то? – уточнил Садко. – Кокошник?

– Кокошник, – подтвердил Скуратов. – А в нем камешек зеленый, аметист. Сам по себе безвреден, но если его в какой головной убор вклеить да стишок прочесть, то камешек тот в соответствующую реальность и закинет.

– А что за стишок? – уточнил Садко.

– Любой, – неохотно пояснил Малюта. – Главное, чтобы название там было географическое.

– Понятно, – взваливая на плечо лыжи, улыбнулся Садко. – Я пошел.

– Сбор у карусели через неделю. Это крайний срок. И из образа не выходи, холоп. Если поймут, сказывай, дескать, ты князя Бельского крепостной, от эвакуационного обоза отстал, – напомнил Скуратов. – Ваня, и ты, друг мой, не увлекайся...

Сусанин обиженно развел руками, показывая, что увлекаться он ни в коем случае не будет. Но бесхитростная крестьянская душа его звенела, как зубья вил...

* * *

Шесть дней спустя ситуация с кокошником была столь же непонятной, как и в день его пропажи. Таинственный офицер был неуловим. Трижды неугомонный Малюта почти наступал на него, и трижды француз уходил у него из-под красного от мороза носа.

Мокрый от пота Малюта пробирался к деревне по снежной целине, глубоко увязая в снегу и чертыхаясь. Выбравшись на большак, он отломил свисающую под носом сосульку и раздраженно втоптал ее в снег.

– Лягушатник проклятый, – отдирая ледяную корку с губ, выдохнул Скуратов. – Акклиматизировался он тут, что ли? Господи, холодно-то как! Нет, в деревню зайти надо. Отогреться хоть.

Глухая деревушка Накипелово встретила его прохладно. Сторожевые псы атаковали промерзшего капитана тотчас, как он миновал околицу. Отмахиваясь от своры саблей, Скуратов отступал, пока не уперся спиной в овин.

– Сюда, сюда, милоч, – краем уха услышал он чей-то ласковый голос.

Дверь в овин распахнулась, Скуратов нырнул в нее, облегченно выдохнул, и тут в голове его разорвался фугас.

– Ошибочка вышла-с, ваш сиясь, – услышал Скуратов, со стоном протирая глаза чем-то мокрым, заботливо сунутым ему в руки. – Мундирчики я попутал. Не взыщите уж, ваш сиясь!

Малюта открыл глаза. На корточках перед ним сидел банник. У его ног стояла деревянная кадка с водой.

– Встать! – заревел Скуратов и болезненно сморщился – его голова раскалывалась.

Банник покорно встал и обреченно тряхнул непокорной шевелюрой:

– Повинную голову и меч, барин, не сечет.

– Сейчас проверим, – успокоил банника Скуратов, вытягивая саблю из ножен. – Докладывай, кто такой?

– Банник здешний, Прокопка. Не берите греха, Малюта Лукьяныч, все как на духу скажу!

– Откуда меня знаешь?

– Братец мой двоюродный у Задова в бане живет, много про вас сказывал, все зазывает погостить в Лукоморье.

– Ну, раз меня знаешь, то что ж не трепещешь, нечисть?

– Ой, трепещу, Малюта Лукьяныч, и не поверите даже, как трепещу! Да все одно – от судьбы не уйдешь.

Скуратов умиротворенно кивнул:

– Это верно. Ладно, живи пока. Некогда мне нынче тебя изводить. Сказывай, немцы в деревне есть?

– Кто?

– Тьфу ты, леший! Французы есть в деревне?

– Были, Малюта Лукьяныч, как есть были. Только бабы их извели. Зашло тут пятеро, а бабенки молодые их покормили и по сеновалам растащили.

– Срам!

– И не говорите, Малюта Лукьяныч, – чистый срам. Хранцузы, они на женское дело падкие: за бабами шасть, а их на сеновале уже и встретили.

– Бабы?

– Да не, мужья ихние. С кольями. Так всех пятерых и порешили.

– И никто не сбеж?

– Один только. Добег аж до дверей. А на пороге и его кончили. Срам! И это называется традиционное русское хлебосольство...

– Ясно. Ладно, ступай себе. Пойду я с мужиками потолкую.

Банник махнул рукой:

– И не думайте. Нет мужиков – в леса ушли. Вчерась тут один пришел в деревню и разагитировал общество. Говорит, раз такое дело – будем всех подряд палить. Мы, дескать, не холопы нынче, а вольные. И пошли наши мужики петуха пускать красного по усадбкам барским. Вчера за рекой такой дым стоял – ужась! Три усадьбы спалили. Дела-а...

– И что, – поинтересовался Скуратов, – все как один за ним пошли?

– Не-э, – замахал руками банник, – как можно! Половина только. А вторая половина уже нонче с утра в леса ушла. Другой мужик приходил, с вилами. Вставай, говорит, страна огромная. Вставай, дескать, на смертный бой. И увел оставшихся по французские души. Только я думаю, все к лучшему.

– Что «к лучшему»? – оцепенел Скуратов. – Что мужичье усадьбы палит да французов без приказа мутузит?

– Лучше так, чем эдак, – разъяснил банник.

– Чем как «эдак»? – затряс бородой возмущенный Скуратов.

– Я так думаю, – важно поднял палец банник. – Покуда господ иноземных и наших доморожденных накипаевцы порознь изводят – шансов у них нет. А вот ежели гуртом набросятся – пиши пропало. Народ на площадь попрут – конституцию потребует. Революция будет. Это как пить дать... Кстати, кваску не откушаете?

Ошарашенный Скуратов хлебнул перебродившего кваса и чуть не подавился:

– Ты где слов-то таких нахватался?

– В ссылке я тут, – печально пояснил Прокопка. – Раньше в Петербурге жил. Знатный город. Авантажный. А баньку мою один очкарик держал, все книжки почитывал. В баньке и читал, чтобы, значит, от чужого глаза подальше. Ну и оставлял там же книжки свои. А я, дурак, втянулся.

– Декабрист, наверное, – поразмыслил Скуратов. – Будущий.

– Ась? – заинтересовался банник. – То есть, пардон?..

– Проехали, – встал на ноги Скуратов. – Бывай. Будешь в Лукоморье – зайдешь ко мне лично. А здесь пока за народишком местным приглядывай. Ежели что – отпиши. Понял ли?

– Как не понять, – вздохнул банник. – Чай, и в Питере с местным полицмейстером дружбу водил-с. Они меня Азефом кликали. Для конспирации.

– Во-во, – усмехнулся Малюта, – просекаешь. А, кстати, нечисть местная как себя ведет? Народишко русский не прижимает?

– И-и-и! – заверещал Прокопка. – Какая нечисть, батюшка? Церковники под корень извели. На десять верст в округе, почитай, нас трое и осталось. Я, водяной на Озерне да леший – свояк мой.

– Ладно, служи, – подытожил удачную вербовку Скуратов. – Глядишь, премиальных тебе подброшу.

– Упаси господи! – возмутился Прокопка. – Я за идею. По зову, так сказать, сердца.

Скуратов, притворив дверь, вышел на улицу.

Он еще полчаса пошатался по деревне от избы к избе, но новостей о французском офицере с кокошником не раздобыл. Правда, одна дряхлая старуха, также перепутав, видимо, мундиры, гостеприимно пригласила его на сеновал. Скуратов гордо отказался.

– Ну, так водички испей колодезной, – предложила старуха. – Чай, запарился на таком-то морозе. Погоди, принесу.

Малюта хмыкнул и патриотично настроенную деревню поспешил покинуть.

...На вороватого француза он совершенно случайно наткнулся два часа спустя в перелеске за рекой. Об ошибке не могло быть и речи. Офицер в окружении трех солдат грелся у костерка. Заметив приближающегося к ним промерзшего военного, оккупанты вяло зашевелились.

– Нет места, нет, – заорал один из гренадеров, прикрывая телом кусок жаренной на костре конины. – Ступай себе, бог подаст!

Второй солдат оказался лаконичнее: наведя на Малюту ружье, он выразительно махнул рукой куда-то в сторону.

Третий, окоченевший и лязгающий зубами, смотрел на Скуратова безумными глазами так нехорошо, что впервые за последние сорок девять лет Малюта почувствовал себя неудобно.

Было очевидно, что его – и в который уже раз – по ошибке приняли за парижанина. Разочаровывать французов он не торопился.

В отличие от своих приятелей по несчастью офицер оказался настоящим дворянином из бывших.

– Садитесь, камрад, – приветствовал он покрытого инеем Малюту. – Даже в годину несчастья надо оставаться людьми. Ешьте. И накиньте шинельку трофейную.

Скуратов с отвращением посмотрел на конину и вежливо отказался. Покопавшись в вещмешке, он достал бутылку самогона и пустил ее по кругу, начиная с офицера.

Французы оживились, и даже в глазах полубезумного гренадера появилась радость.

– Куда идете? – поинтересовался Скуратов, когда, описав круг, ополовиненная бутылка вновь оказалась в его руках.

– Понятия не имею, – пожал плечами офицер, подбрасывая в костер ельник. – Мне лично все равно. Мы заблудились.

– Да-а, – протянул Малюта, – без компаса сейчас туго. А может быть, на Дон махнем, к Деникину?

– Запросто, – согласился француз, поливая свою порцию конины кетчупом, извлеченным из кожаного чемодана. – А что такое Дон? И кто такой Деникин?

– Старый приятель, – задумчиво пояснил Скуратов, исподволь поглядывая на собеседника. Тот, как ни странно, производил вполне приличное впечатление: соусом не обляпался, форму носил аккуратно, даже сапоги как-то умудрился сильно не испачкать.

– Приятель – это хорошо, – элегантно вытирая губы тонким батистовым платочком, кивнул офицер. – Ведите нас, дружище. Я с вами. Напоминаете вы мне кого-то. Мы, случаем, на брудершафт на Монмартре не пили?

– Вряд ли, – усомнился Скуратов, поднимаясь на ноги. – Я вообще-то не пью. Так, для сугрева.

Строго говоря, Малюта не сомневался, что при необходимости мог бы на месте положить рожами в снег всех четверых окруженцев. Но торопиться не стал. «Доведу до городка, а там уже и решу, что с ними делать», – подумал Скуратов.

И они пошли.

Где-то через час Малюта вывел своих подопечных к какому-то запущенному парку у реки. По его заснеженным аллеям они подошли было к высокому особняку, как вдруг раздавшийся где-то рядом радостный вопль заставил их рухнуть в сугроб.

– Огня тащи, огня! – неслось от особняка. – Поспешай, Пафнутий! Надо засветло убраться.

Малюта выглянул из-за слабо укрывающего его куста акации и присвистнул. Вокруг особняка носились какие-то нечесанные мужики. Дом был окружен, а намерения мужиков недвусмысленны: в руках появившегося Пафнутия чадил смоляной факел.

«Усадьбу жгут, – мысленно констатировал Скуратов. – Накипеловцы, должно быть».

Он уже было хотел увести своих подопечных стороной, как вдруг из окна особняка выглянула прелестная – даже на расстоянии – девушка.

– Господа, – нежным, тонким голосом обратилась она к мужикам. – Господа, вы звери.

– Небось, крест носим, – всерьез обиделся Пафнутий. – А ты, барышня, не лайся, не лайся. Атаман сказывал: мы нынче не холопы, а люди вольные. Нам Наполеошка волю дал.

– Он же враг Отечеству нашему, – возмутилась девушка.

– Враг, – согласился Пафнутий. – Мы и его пожжем опосля. А жену егоиную, Конституцию, – на трон. И волю не отдадим. Так, братцы?

Братцы восторженно взревели.

– А ты, барышня, из дому вылазь и беги, куды знаешь, – миролюбиво закончил Пафнутий. – Мы, чай, сами христиане, с понятием. Мы авось кого не душегубим. Жаль, батюшки твоего нет. Ну да ладно – свидимся.

– Никуда не уйду, – всхлипнула барышня и разрыдалась.

– Ну, как знаешь, – развел руками Пафнутий. – Только ты, милая, потом не обижайся, если оно что. Было бы предложено. Поджигать, что ли, мужики?

Скуратов еще мучительно размышлял, что именно он может предпринять в этой явно нестандартной ситуации, а французский офицер уже действовал.

– Примкнуть штыки, – скомандовал он гренадерам. – За Родину, за Бурбонов! То есть за императора нашего Бонапарта! Ур-ра!

Французы бросились в атаку.

Мужики у особняка сначала слегка опешили, а потом нехорошо обрадовались и с кольем наперевес устремились во встречный бой.

– За Конституцию, мамку нашу! – ревел Пафнутий.

Скуратов с досады сплюнул в снег. На сугроб упала ледышка – морозило все сильней. «Что же делать-то?» – задумался было Малюта, а ноги уже несли его впереди французов.

– Стоять! – загромыхал он, вырываясь посереде двух линий атакующих и выхватывая саблю наголо. – Стоять, тля продажная! Ядрит вашу разъядрит!

Далее следовал лексикон абсолютно нецензурный, а потому знакомый накипеловцам с детства.

– Во дает! – притормозил и встал как вкопанный Пафнутий. – Никак, барин?

– Если что – вы мои пленные, – успел шепнуть французскому коллеге Скуратов, прежде чем снова заорать на мятежных мужиков.

– А вы великолепно владеете местным языком, приятель, – шепнул в ответ француз. – Любопытный диалект... Поволжский?

Но Скуратов уже орал:

– Вы мне это что? Это куда? Бунтовать? Канальи! А вот я вас в кандалы! В Сибирь! На Сахалин! В острог! Вы у меня, лапотники, всей деревней Беломорканал детскими совочками выкопаете. Я вам покажу, быдло, самую гуманную в мире конституцию! Я вам устрою социальное государство! Я вам такую монетаризацию в ваши гнусные конопатые рожи законопачу, что вы «Боже, царя храни!» хором взвоете.

Мужики, опустив колья, потупились, но каждому слову Скуратова внимали с почти-тельным благоговением и жадным вниманием.

– Свободы хотите? – не снижал пыла Скуратов. – А по морде ваучером не хотите? По скотским харям по вашим?

Мужики, побросав дубье, рухнули на колени в снег и горько заплакали:

– Не вели казнить, родимый. Прости нас, батюшка, – скулил какой-то старичок. – Чисто затмение нашло! Все конкретно через атамана нашего, будь он неладен. И Пафнутий этот еще... У-у, зараза... демократ!

Старик изловчился и ловко ткнул в нос стоявшего тут же на коленях с покаянным видом Пафнутия.

– Это помощник атаманский, – пояснил старик, и все вокруг дружно закивали. – Они, аспиды, нас с пути праведного и сбили. Говорят, воля дадена, а бояре да господа ее от нас скрывают. Али не врут?

– Врут. Но воля будет, – твердо пообещал Скуратов, слегка остывая. – Лет через пятьдесят дадут вам и волю... Будет вам такая воля, что взвоете. От радости. А пока срок не вышел. Ждите.

Мужики, утирая слезы умиления, поднялись и стадом баранов, лишенных присматривающего за ними пса, сгрудились вокруг Скуратова. Он едва успел шепнуть французу, чтобы тот поспешил успокоить невольную заложницу в ее брошенном дворянском гнезде.

– А вот я извиняюсь, – указал старик на вошедших в дом французов, – это, стало быть, наши?

– Пленные, – успокоил бдительного старикашку Малюта. – Цыц у меня. Дело тайное. По указу императорскому. Да вы встаньте.

Мужики тем временем опять успели верноподданнически распластаться на снегу.

– Встаньте, говорю. Где атаман?

– В соседний партизанский отряд ушел, – охотно и добросовестно доложил старик, вставая и отряхивая порты. – Сказал, что надо бы вместе действовать. И в другие отряды гонцов послал – к Василисе Кожиной, к Петрухе Молоту, к Ерошке Дубу и к Маньке Облигации. Чтобы, значит, на Москву гуртом идтить – Наполеона с Кутузовым вышибать, а Конституцию – на трон.

– Ясно, – помрачнел Скуратов. – Так, где Пафнутий?

Два рослых мужика пошарили промеж толпы и швырнули под ноги Малюты плачущего от страха мятежника.

– Знаешь, что с тобой будет за бунт?

– Вестимо, – шмыгнул носом Пафнутий, – петля.

– Могу и в Сибирь отправить, – уточнил Скуратов. – Но тогда – всю деревню. А если петлю выберешь – тебя одного повесят, а остальным послабление сделаю. Два года – двойной оброк. Выбирай.

– А чо тут выбирать? – грустно вздохнул бунтовщик. – Что тут повесят, что свои же на этапе и придушат. Вешайте, люди добрые, не стесняйтесь. Пострадаю за общество, за народ честной, православный. Не поминайте лихом раба божьего! Один в поле не воин. Баба с возу – кобыле легче. Где наша не пропадала... Назвался груздем – полезай в кузов. На миру и смерть красна!

Мужики подхватили Пафнутия под руки и весело, с прибаутками и шутками, поволокли к ближайшей осине.

– Погодь, барин, – осторожно затеребил давешний старик Скуратова за полу шинели, когда капитан направился было в дом.

– Чего еще? – повернулся к неформальному лидеру накопеловцев Малюта. – Опять бунтовать?

– Боже упаси, господин хороший! – замахал старик. – Поперек власти переть – что с колокольни прыгать. Только тут такое дело... Пафнутий-то кузнец у нас.

– И что? – невольно вспомнил Скуратов бородатый, как он сам, анекдот.

– Один он кузнец на всю округу. Плохо нам без него будет.

– Простить? – невольно улыбнулся Малюта.

– На все воля барская, а только вот пастухов у нас двое – Прохор и Емеля.

– И кого из них ты предлагаешь? – уже всерьез заинтересовался Скуратов. – По алфавиту? Или жребий кинем?

– Святое дело жребий не решит, – важно поднял палец старик. – Негоже христианину на случай полагаться. Мы, православные, в рок не верим. Грех это языческий.

– Ну, короче, – нетерпеливо потребовал Скуратов, уже мечтавший убраться подальше от просвещенного и словоохотливого старичка.

– А вот что, барин. Ты по делам своим государевым ступай себе с богом и французами своими. Пленные они али как – мое дело сторона. А я, вот те крест, дело до конца и доведу.

– Обманешь, старик? – засмеялся Скуратов, искренне надеясь, что дело все-таки обойдется без душегубства.

– Ни-ни, – лукаво усмехнулся старик и двинулся к осине, там уже перекидывали через сук пенковую петлю. – А за барышню не бойсь. Не тронем. Мы волю, почитай, со времен Святослава ждем. Обождем и еще полвека.

Покинуть усадьбу Скуратов убедил офицера-парижанина не без труда.

– Мон шер ами, – возражал ему француз, плененный красотой русской дворянки. – Оставлять юную даму в такой час? Это моветон, дружище.

– Пустое, – усмехнулся Малюта. – Я изучал психологию русского народа по мемуарам шевалье Ля Гуша. Они сущие дети, эти русские. Они до сих пор путают свободу с волей и верят в социальную справедливость. Но если на них прикрикнуть – они служат преданно и честно. Девочка теперь в полной безопасности. К тому же я тотчас отправлю ее в уездный городок.

– Ля Гуш? – задумчиво переспросил французский офицер. – Не читал. Не люблю журналистов. Когда я читаю «Парижский вестник», рука моя тянется...

– Это понятно, – вздохнул Скуратов. – Но нам пора, мой друг.

– На Дон! – слегка воспрянул парижанин. – На Дон! К Деникину! Вы правы, мон шер, хотя, признаюсь вам, наши перспективы в России безрадостны. Народ не с нами, народ против нас. Да и Россия, в сущности, мне по душе. А Наполеон – редкостная, между нами, сволочь и выскочка. Я ведь из «бывших». Ну ты понял?

– Жертва репрессий? – понимающе уточнил Скуратов.

– Да, именно. Когда чернь громила Бастилию, моего папа гильотинировали за верность присяге и королю. Маман не перенесла горя и эмигрировала в Лондон. Потом, правда, выяснилось, что папа в тюрьме подсунил Дантону вместо себя кого-то другого и сбежал с любовницей в Америку, но мне от этого было не легче. Клеймо сына врага народа преследовало меня всю жизнь. Аристократов у нас не любят до сих пор, хотя мой папахен просадил свое состояние в карты еще в пору моего младенчества, а моим воспитанием занимался отставной солдат-инвалид с улицы Фуке. Но хватит о грустном. Итак, на Дон?

– Именно, – улыбнулся Скуратов.

Они отыскивали в конюшне забившегося в угол престарелого кучера, снарядили сани и усадили в них укутанную меховой дохой юную хозяйку поместья. Проводив драгоценный груз до большака и убедившись, что сани скрылись в поземке, продолжили свой путь. Отогревшиеся в доме гренадеры приняли еще по кружке самогона и теперь в просохшей обуви уверенно шли в авангарде. Шел третий час пути.

Внезапно – а в подобных случаях все и всегда происходит внезапно – над головами разговарившихся офицеров свистнуло несколько пуль. Скуратов, оборвав фразу на полуслове, поднял глаза на авангард. Авангард драпал. А следом за резво отступающими гренадерами из рощицы неслась толпа в полушубках, армяках и тулупах.

«Накипеловцы, – понял Скуратов. – Первый набор. Из тех, что пошли не дворян, а французов бить. Это серьезнее. Это патриоты. Эти за Отечество и Отчизны не пощадят».

Мужики, несущиеся на них, и впрямь отличались от давешних статью, ростом и уверенностью в себе. В отличие от накипеловцев-2 накипеловцы-1 и вооружены были получше – не дрекольем, а саблями, палашами, вилами и тонкими пиками. У некоторых, судя по пуле, сорвавшей с Малюты головной убор, было и огнестрельное оружие.

– А ведь убьют, – понял смысленный Скуратов, задыхаясь на ходу. – Убьют и не чихнут... Потом по кресту и самогону выяснят, что православный. Похоронят по-христиански... Может, даже попа позовут. Помянут моим же самогоном... Но сначала убьют. Менталитет, едри его...

Малюта, увлекая за собой француза, бросился под горку. На ходу он оглянулся три раза.

В первый раз, когда Скуратов оглянулся, партизаны с вилами настигли гренадера-оккупанта с безумными глазами.

Во второй раз, когда Малюта оглянулся, истошно кричал уже второй гренадер – тот, кто не пожелал поделиться кониной.

– Это партизаны! К реке! – заорал Скуратов, толкая в спину французского офицера. – Видишь, на той стороне? Беги, сдавайся, я следом!

На противоположном берегу с интересом и некоторой опаской следил за развивающимися событиями конный казачий разъезд регулярных русских частей во главе с каким-то офицером.

Француз, а следом и Скуратов вылетели на зеркальный лед спасительной речки и тут же забуксовали.

Впрочем, забуксовали не только они. Последний из гренадеров, скатившись на лед, тотчас поскользнулся и упал. Трое мужиков с ломами тут же занялись расширением лунки для подледного лова.

И когда Малюта оглянулся в третий, и последний, раз, гренадера уже не было, а рукотворная полынья подернулась тонким льдом.

– Я есть французский капитан Артаньян. Сдаемся! – упал под ноги конного разъезда парижанин. – Возьмите меня в плен, сударь! Вот моя шпага.

– Я есть русский капитан Бельский. Сдаемся! – подтвердил Скуратов, в изнеможении падая на снег. – Саблю не дам, казенная.

Конный офицер с сомнением покосился на мундир Малюты, а потом резво развернул и пришпорил коня.

– Я есть гвардии поручик Ржевский, – откозырял всадник. – Я что, действительно так похож на идиота, как меня всегда рекомендует генерал Тучков?

Разъезд, поднимая из-под копыт снежную пыль, умчался к уже видневшемуся за холмами городку.

– Где кокошник? – просипел Скуратов, обнажая саблю и намереваясь продать жизнь подороже.

– Какой кокошник? – изумился Артаньян, вытаскивая шпагу. – Что есть «ко-ко-шник»?

Скуратов, вставая лицом к неминуемо надвигающейся по льду смерти, приставил растопыренную пятерню ко лбу и вильнул бедрами.

Француз осторожно отодвинулся от сошедшего с ума приятеля по несчастью, но тут же все понял и просиял:

– Ко-ко-шник... Эта та белая на голову? С камешком? А откуда вы...

– Где кокошник, мон шер? – умоляюще застонал Скуратов. – Чисто из спортивного интереса! И это, к слову, наш последний шанс!

– В музей, – пожал плечами Артаньян, пожимая плечами. – Я зашел отдать честь отважному старику, пальнувшему в нас на площади из своей пушечки. А он сослепу решил, что я не салютую, а хочу его зарубить... И он стукнулся головой и расколотил витрину. А я вытер ему лоб этим, как его, ко-ко-шником. А он пришел в себя и заорал. А я выскочил в окно. А он... Впрочем, не знаю. Надеюсь, жив. Славный старикан. Патриот. Вешать таких надо.

– И где же кокошник? – обреченно повторил Скуратов.

– Бросил в воз, – засмеялся французский офицер. – Воз там стоял какой-то. И я... Пардон, сударь, я вспомнил, где вас видел... Вы дрались, как лев.

– Капитан Бельский, – с шиком отсалютовал саблей Скуратов француз и набегающим партизанам.

– Капитан Артаньян, – представился в свою очередь недавний противник, поворачиваясь лицом к настигшей их толпе.

Первый натиск они отразили успешно – ватага партизан накатила и схлынула. Повторная волна нанесла им, однако, куда более существенный урон: Артаньяну распороли саблей правый рукав, а Скуратову отдавили ногу.

– Стойте! – возмущенно завопил Малюта. – Свой я! Нашенский!

– Ишь ты, вражина! – возмутился, орудуя вырванным с корнем дубком, какой-то здоровяк, напоминающий Поддубного в лучшие годы его спортивной карьеры. – Язык выучил, ехидна шпионская.

– Я ехидна? – возмутился Скуратов, оскорбленный в лучших чувствах. – Ну, погоди же...

Скуратов со злостью перехватил саблю другой рукой и вытащил из кармана свое любимое оружие – парочку свинцовых гирек на тонкой пеньковой веревке.

– Кажись, и впрямь свой, – удивился партизан, продолжая методично охаживать француза. – У меня свояк с такой вот штукой на тракте промышлял, пока не повесили. Тонкая работа – ба-альшого мастерства требует.

– Ну так стой, если я свой! – заорал Малюта.

– Не могу без приказа, – виновато признался мужик. – Мы, чай, порядок знаем. Вот старшой придет – тады шабаш.

– Зови старшого, – с трудом уворачиваясь от выпада в упор, отразил саблей чей-то палаш Малюта. – Зови, мать твою!

– Маменька дома остались, – с нежностью отвечивал двойник Поддубного, мощным ударом опрокидывая француза на землю. – Водичкой шаромыжников поит. Мышьячку от крыс разведет в ковшике и поит. Добить, что ли?

– Не надо, – раздался громовой голос, и в расступившемся проходе показался высокий статный мужчина в новом овчинном тулупе. – Личность, кажись, мне знакомая. Садко Акимыч, гляньте-ка!

Сквозь толпу к поверженному на землю французу с лыжной палкой в руках протиснулся вспотевший Новгородский. Для холопа – что требовалось от него легендой прикрытия – одет он был, прямо скажем, неподобающе. Можно даже сказать роскошно, в дорогое дворянское платье.

– Точно он, – без энтузиазма удивился Садко. – А второй где? Я ж три раза стрелял, шапку сшиб.

Предводитель партизан, холоп Новгородский и все остальные подняли глаза на Скуратова.

– Этот наш, – благодушно представил противника двойник Поддубного. – У него крутилка с гирьками, как у моего свояка. Сваяк на тракте...

– Слышали уже, – грубо оборвал сослуживца Сусанин. – Ну, здравствуй, что ли, Малюта Лукьяныч... Не чаял уж и свидеться.

Герой Смутного времени неожиданно расчувствовался, промокнул толстым рукавом крокодилы слезы, отшвырнул в сторону вилы и полез обниматься. Скуратов объятия принял достойно, но сдержанно. Торопливость, с которой Сусанин расстался с вилами, ему прилась очень не по душе.

Малюта слегка повел бровью, и схватывающий все на лету Сусанин мгновенно очистил поле битвы от посторонних. По всему чувствовалось, что дисциплина в его отряде была на высоте. К оглушенному Артаньяну подскочил партизанский лекарь, остальные, почтительно сняв шапки, откланялись и направились в лес.

– Будет жить, – с некоторым сожалением констатировал мужичий доктор. – Наверное. Я бы сделал на всякий случай трепанацию, но, думаю, и так очухается, если не помрет. Я могу идти?

– Ступай, – приказал Сусанин. – Кудеяру передай, чтобы подводу подослал и командование принял. Я – в город. И напони всем нашим: вход к нам врагу – рубль, а выход...

– Заказан, – заученно, но исключительно бодрым басом закончил лекарь. – На том стояла и стоять будет земля русская!

– Молодец! – похвалил Сусанин подручного и повернулся к Скуратову. – За неточность цитаты извиняюсь, Малюта Лукьянович. Что-то с памятью моей стало...

– Это я заметил, – сурово процедил сквозь зубы Скуратов. – Ты вилы свои не потерял?

– Ой! – всплеснул и сокрушенно захлопал себя по ляжкам руками Сусанин. – Да неужели? Вот беда-то, беда...

– Не кудыхтай, – пресек стенания приятеля матерый контрразведчик. – Тащи сюда.

Сусанин молча отошел в сторону, достал, отряхнул от снега и виновато протянул начальству вилы, как положено, рукояткой вперед.

– Так-с, – скрупулезно пересчитывая зарубки и сбиваясь со счета, хмыкнул Скуратов. – Двести сорок шесть. А вот эта длинная – это кто?

– Генеральчик какой-то, – вздохнул Сусанин. – Говорят, любимец Бонапарта еще с Египта.

– Фамилия? – потребовал Скуратов, мысленно скривившись от неизбежного.

– Счас, – заторопился Сусанин, – извлекая из внутреннего кармана записную книжку. – Я пометил тут. Сейчас, одну минутку... Тут где-то...

– Дай сюда. – Скуратов выхватил блокнотик, облил его самогоном, поджег и бросил на снег. – В сущности, это не принципиально. Мало ли генералов под Москвой сгинуло. Да, смени рукоять от вил перед возвращением.

– Точно, – преданно поддакнул стоявший до сих пор в тени Садко. – Я ему то же говорил, Малюта Лукьянович.

– А ты молчи, холоп, – презрительно оборвал контрразведчик купца. – За демаскировку легенды – пять суток гауптвахты. И досрочный медосмотр у дантиста.

– За что к дантисту? – нервно, но искренне возмутился Садко, предусмотрительно не протестуя против «губы». – Я все строго по легенде...

– Да? – ехидно спросил Скуратов, кивая Сусанину на подъехавшие дровни, отпуская возчика и кулем перекидывая тело француза на сено. – Холоп во главе повстанцев?

– А были прецеденты, – запротестовал Садко, обнаруживая познания, слегка выходящие за пределы комиксов. – И потом, я холоп беглый, раз мы разделились. Мстил господам за многовековое рабство и отмену Юрьева дня ¹¹.

Скуратов скептически покосился на Сусанина, но тот только развел руками, признавая, что, в сущности, Садко прав.

– Беглый холоп в шитом золотом платье? – опять съехидничал Малюта.

– Пфе!.. – делано удивился Садко. – Да сплошь и рядом. Где вы видели бывшего холопа не в золоте? Да на любой тусовке...

– Хватит! – заорал Скуратов, смутно чувствуя, что победа в полемике от него ускользает. – Гауптвахта отменяется. Визит к дантисту остается. В город!

* * *

...Они втащили Артаньяна в комнату директора музея. Старик, охая и причитая, гостеприимно расстелил одеяло на антикварной кушетке и захлопотал у постели раненого. Между тем Садко, задержавшийся у воза, где лошадка питалась сеном из своей же подводы, перерыл всю повозку, но кокошника не обнаружил. Поднявшись наверх, он сокрушенно развел руками.

Скуратов кивнул – в дотошности новгородского купчины он не сомневался. Малюта встал у окна и, нервно барабанив пальцами по стеклу, задумался.

В дверь постучали.

– Мое почтение, – приветствовал их полицмейстер, с подозрением косясь на Садко. – Бушин моя фамилия. Рад вашему возвращению, господин капитан. Ваш подвиг на базарной площади войдет в историю города.

– Это точно, – заверил директор музея, обрабатывая марганцовкой ссадину на лбу француза. – Гарантирую-с.

Полицмейстер тем временем еще раз выразительно покосился на Садко.

– Не обращайтесь внимания, сударь, – уважительно здороваясь с полицмейстером, улыбнулся Скуратов. – Мой холоп при особо важном поручении. Тайная инспекция богоугодных учреждений. Мы, собственно, уже заканчиваем и отбываем в столицу. Не премину сообщить там о ваших личных заслугах перед боссом. Пардон, перед его величеством.

– Давно пора! – вытянулся по стойке «смирно» полицмейстер и чуть смутился. – Я в смысле учреждений. Воруют-с! Предлагаю учредить отдел исключительно по экономическим делам-с.

– Пишите рапорт, – посоветовал Скуратов, поворачиваясь к раненому. – Поспособствую лично. Вот, рекомендую – шевалье Артаньян, капитан. Француз, конечно, но человек чести и... Короче, обращаться как следует.

– Не извольте сомневаться, – заверил Бушин. – Поместим к обывателям. Расходы оплачу лично, раз по вашей рекомендации, ваше... Простите, не знаю титула-с.

– Просто граф, – кивнул Скуратов. – Но между нами – без церемоний. Значит, я могу быть спокоен?

– Да, граф, – раздался у двери нежный, мелодичный голос, при первых звуках которого Артаньян очнулся и широко распахнул глаза. – Я заберу шевалье в усадьбу нынче же к вечеру. Ручаюсь за его здоровье.

Все, включая француза, повернулись к двери.

¹¹ Юрьев день – день разрешенного перехода крепостных от одного хозяина к другому. Отменен в незапамятные времена. Ныне не существует.

Ничуть не смущаясь, в комнату, шелестя шелками, вошла давешняя пленница загородного дворянского дома.

– Евдокия Васильевна Долгорукова-Крымская, – гордо представил девушку хранитель музея с таким видом, словно та была лучшим экспонатом его музея. – Только ее заботами в уезде дело сохранения истории и процветает.

– Сударыня, – шевельнул губами потрясенный француз, – ваша чуткость... Ваша красота... Я потрясен, сударыня. Русская душа – это так загадочно. Господа, я...

– Довольно, месье, – нетерпеливо оборвала офицера девушка, приложив изящный пальчик к его губам и оборачиваясь к полицмейстеру. – Вы распорядитесь? Экипаж ждет внизу.

Скуратов согласно кивнул, и Садко с Сусаниным под строгим присмотром Бушина аккуратно вынесли раненого.

– Да, Сергей Львович, – слегка, но, впрочем, лишь слегка, смутившись, остановилась в дверях юная княжна. – Помнится, на аукционе вы выиграли в лотерею одну мою безделушку...

– Да-да, – оживился, нервно оглядываясь на Скуратова, хранитель уездной кунсткамеры. – Не утруждайтесь, помню-с.

– Так вот, – нежно, но выразительно улыбнулась девушка, – извольте привезти ее мне к четвергу следующей недели. Полагаю, вы догадываетесь зачем, и сохраните дело в приватности. Вас, граф, я тоже приглашаю...

Хранитель открыл было рот, но, сглотнув воздух, промолчал.

– Благослови вас Бог, княжна, – усмехнулся в бороду Скуратов. – Я полагаю, что вы не ошиблись с выбором. Шевалье – достойный человек. Но считаю своим долгом вас предупредить...

– О чем же, граф? – надменно нахмурилась княжна, сдвигая тонкие, как стрелочки Амура, брови.

– Шевалье, как и все подданные Франции голубых кровей, любит лягушек, – с пригорбной лукавинкой заметил Скуратов.

– Лягушек у нас до черта-с. Словом, много, – возмутился обиженный хранитель музея, который, как и положено патристическому краеведу-любителю, одинаково безапелляционно судил и об археологии, и о флоре, и о фауне родного края. А потом добавил: – И с трипольской культурой у нас проблем нет.

Княжна оказалось прозорливее:

– Граф, – укоризненно заметила она, – вы меня, однако, удивляете. Надо быть снисходительнее к человеческим слабостям. И, в конце концов, мой батюшка в Крымском походе научил курить медведя. Или я не дочь своего отца?

Девушка победоносно глянула на почтительно склонившего голову в капитуляции графа и, слегка приподняв подол, вздернула и без того курносый нос и шагнула за порог.

– Прощай, холостые привычки шевалье, – хмыкнул про себя Скуратов, поворачиваясь к директору музея. – Итак?

– Вы правы, ваше сиясь. Отучит она его лягушатину переводить.

– Итак? – жестче, но без злости повторил Малюта Скуратов, он же капитан Бельский, он же граф-инкогнито из Петербурга, он же старый и прожженный самогоном контрразведчик из Аркаима. – Где кокошник?

Глаза старика забегали, он снял и протер треснувшее пенсне, а потом что-то смущенно забормотал про трипольскую культуру.

– Старик, – тихо пообещал Малюта, – мне не нужен кокошник. Тем более что, как я понимаю, княжна намерена венчаться именно в нем...

– Семейная традиция, – прошелестел потрясенный проницательностью собеседника хранитель. – Тогда что вам нужно?

– В кокошнике – аметист, – напомнил Скуратов. – У него свое предназначение и своя судьба. Замените его вот этим изумрудом.

Скуратов небрежно опустил на стол кулак, выпустил из разжатой ладони драгоценный камень и катнул его старику.

– Это «Око Света». Его держал в руках Будда, если верить Конан Дойлу...

– Кому? – уточнил отставной чиновник.

– Неважно, – поморщился Скуратов. – Все неважно. Но обмен равноценен.

Почтенный Сергей Львович Волокос решительно встал из-за стола и вышел в коридор. Вернулся он быстро, сжимая в подрагивающих руках вожаденный кокошник.

– Я нашел его в возу с сеном, когда таскал вашей лошадке воду, – вздохнул старик. – Я не знаю и не хочу знать ваших дел, но обмен равноценен. Про «Око Света» я читал в жизнеописаниях Будды. Берите камень, ваше сиясь, берите, пока я не передумал.

Скуратов ловко подковырнул камешек, и аметист тотчас выпал из оправы в его широкую ладонь.

– Прощай, отец, – Малюта дружески расцеловал директора музея в мясистые щеки. – Что-то подсказывает мне, что мы больше не увидимся.

Старик всхлипнул и, перекрестив Скуратова, отвернулся и начал судорожно протирать пенсне. Потом проводил до двери и долго махал ему вслед влажным от слез платком. Глаза его были печальны, близоруки и мудры.

Выезжая час спустя из города на отъезжей за неделю кобыле, Скуратов встретил полицеймейстера.

– Граф, – смущенно склонил голову Бушин. – Вот рапорт, о котором вы изволили говорить. Полагаю в нем, что экономические преступления есть государству сугубо вредящие, а потому следовало бы учредить и должности по их пресечению соответственные. И фонды не урезать. Ежели крестьянин от голодухи какой мешок картошки спер – оно, конечно, плохо. А вот ежели заводчик какой заказ на сапоги получил, да сырье спер, а сапоги те из гнилья стачал? Это ж не в пример трагедия... А вор – он в тюрьме сидеть должен, а не в сенате.

– Вор должен сидеть в тюрьме, – подтвердил Скуратов, пожимая руку полицеймейстеру. Тот слегка поморщился и через силу улыбнулся.

– Я сделал вам больно? – удивился Малюта.

– Пустое, – успокоил капитана Бушин. – В Накипелове следствие проводил.

– А что там? – слегка заинтересовался Скуратов, делая знак Садко, чтобы тот придержал баловавшую лошадь.

– Мужики местные повесили пастуха. За попытку подстрекательства к бунту, мятежное поведение и за то, что в поле у коров молоко сцеживал.

– Похвально, – почесал в затылке Скуратов. – Вы, в сущности, хорошо воспитываете окрестное население, сударь. С таким народом бунту не бывать. Суд Линча, конечно, не наш метод, но верноподданнические настроения поощрять следует. Да-с... Трогай!

– Так-то оно так, – почесал затылок полицеймейстер, провожая отъезжающего графа-инкогнито грустным взглядом и разворачивая коня. – Только и был-то у меня один информатор на весь уезд. И того лишился... На рыбалочку сходить, что ли?

* * *

– Как же-с, как же-с, – проводив Скуратова до двери, по крутой лестнице, тяжело отдуваясь, вернулся в свою заваленную рухлядью комнатку отставной чиновник и пламенный любитель древностей Сергей Львович Волокос.

Старик грустил и печально вздыхал.

– Хитрец!.. Учрежденья он инспектировал! Шалишь. За камешком, стало быть, приезжал. Думает, я не видел, как вы на него заглядывались...

Хранитель музея зашарил по столу, нашел и поднес к глазам изумруд и лупу.

– Так и есть, – тяжело вздохнул он, – «Око Света». Музею уездному – уникам. Народ вам еще спасибо скажет, батенька. Шутка ли – в каталогах нет, а у нас – пожалте, господа хорошие...

Хранитель опустил лупу на стол, устало потер близорукие глаза и опять зашарил по столу. Отыскав потертую табакерку, он щелкнул замочком, открыл крышку, поднес к носу и заворочился в ней толстыми пальцами:

– И на что ему аметистик этот дешевенький? Ни вида тебе, ни огранки. Разве что зеленый да старый очень...

Почтенный старик извлек из табака и подбросил на ладони подмененный им еще позавчера аметист.

– Ишь ты, стервец эдакий, еще светится, как я стихи читаю... Чудны дела твои, господи!

* * *

За несколько верст от уездного городка занесенная сугробами по платформу карусель обиженно скрипнула, когда на нее взобрались трое.

– Господа, – слегка высокопарно обратился к коллегам Малюта. – События минувшей недели убедили меня в том, что физической подготовке мы уделяем явно недостаточное внимание... Садко Акимович, где ваши лыжи, кстати?

Садко виновато показал чудом сохранившуюся лыжную палку.

– Неважно, – махнул рукой Малюта. – Спишем.

Садко и Сусанин, удивленные безразличием начальства, удивленно переглянулись.

– Да, о чем это я? – замялся Скуратов. – Ага... Неминуемая утечка артефакта из реальности предотвращена. И по случаю успешного выполнения задания – всем амнистия. Рапорт напишу лично. Вас ознакомлю. В курилке рекомендую придерживаться его содержания неукоснительно.

Скуратов поднял глаза на Садко и внезапно обозлился.

– А если какая-нибудь сволочь... Повторяю, если какая-нибудь новгородская сволочь будет трепать языком – сгною в своих подвалах.

Сусанин и Садко переглянулись вторично и на этот раз облегченно: начальство пришло в себя.

– По местам! – заорал Скуратов, досадуя на себя за минутную слабость. – Поехали, милая.

Карусель, поднимая столб снежной пыли, завертелась. Необычный для этих широт смерч наблюдался обывателями не только уездного городка и окрестных сел, но даже и в Можайске. Однако лишь трое бывалых вояк на карусели могли слышать, как репродуктор исторг лирические слова древней песни про опытного партизана-моряка. Впрочем, налетевшая вьюга быстро стерла не только следы от карусели, но и развеяла грустное эхо:

Он шел на Одессу...

А вышел к Херсону...

– Это она про Богарне, – услышал Скуратов пояснения Садко.

...Пелена, белая пелена, сплошь сотканная из маленьких колючих снежинок...

– Ах ты, тройка-Русь, – шептал Малюта. – Вот зараза!

Глава 2

ДИМА И ВОЛК

– На гауптвахту! – тихо просипел Владимиров, откидываясь на спинку своего антикварного кресла. – Обоих на гауптвахту! И гноить до особых указаний.

Громко говорить командир уже не мог, потому что сорвал голос, когда узнал, что виновниками переполоха оказались Хохел и примкнувший к нему Задов. Шкодливым тандем сработал на славу.

Но все по порядку.

– ...Какие еще будут распоряжения? – уточнил Скуратов, кладя перед Владимировым на стол бланки записок об аресте Задова и Хохела. На них командир отряда должен был расписаться и проставить в пустых графах количество суток ареста.

Владимиров уже не мог даже шептать, а только зло сипел. Голос пропал. На бланке с фамилией Задова, рядом со своей подписью, он нарисовал виселицу.

– Повесить, а потом на гауптвахту? Зачем? – удивился обычно невозмутимый Малюта.

Владимиров скрипнул зубами и перечеркнул виселицу крест-накрест. Такому суровому командирскому решению предшествовал ряд событий.

Штабс-капитан Нестеров без устали заваливал командира заявками на аэроплан, ссылаясь на отсутствие авиасредств, жизненно необходимых отряду. Владимиров, никогда не любивший бумажной волокиты, после очередной заявки на аэроплан не выдержал и наложил резолюцию. Резолюция перекладывала решение вопроса на отрядного комиссара. Фурманов был ничуть не глупее своего непосредственного начальника и предусмотрительно отписал документ на начальника штаба барона Маннергейма. Но педантичный Карл Густавович для начала решил заручиться визой Скуратова. Контрразведчик, разгневанный тем, что его беспокоят по очевидным пустякам, в свою очередь почему-то затребовал заключение Дурова, а потом ехидно перенаправил заветную бумажку Батыру, как командующему военно-морскими силами.

У бека документ застрял месяца на два. Батыр тщательно изучил этот серьезный вопрос и пришел к выводу, что лично ему хватает головной боли и без палубной авиации. С чистой совестью он так и написал, но почему-то китайскими иероглифами.

Откуда и зачем на заявке Нестерова появились визы Сусанина, священника Латына Игарковича, начальника отрядной заставы Ильи Муромца и в заключение даже подпись неуловимого Киже – выяснить не помогло даже служебное расследование, которое назначил Владимиров, когда три месяца спустя заявка по немыслимой прихоти судьбы опять легла на его стол.

Из всех виз, резолюций, согласований, прикрепленных справок и заверенных заключений внимание начальника отряда привлекла размашистая надпись в правом нижнем углу заявки.

Надпись гласила: «А на хрена оно нам, собственно, надо?! Отказать!» Ни даты, ни подписи под этой резолюцией не было, но вызванный на ковер Скуратов, побожившись на икону в красном углу кабинета – подарок Рублева к какой-то круглой дате, – заверил начальника, что «это дело рук подлеца Задова».

Лева отпирался долго и успешно. От графологической экспертизы он отказался наотрез, сославшись на внезапное онемение правой кисти. А свое дежурство в приемной Владимирова в день вторичного появления бумаги на столе начальства трактовал как банальное совпадение.

– На понт берешь, начальничек, – ехидно отпирался он в подвале Скуратова на очной ставке с Кижэ, который, впрочем, на оную очную ставку не явился. – Нашел вредителя... Мое дело маленькое. Мне самолеты без надобности. Зря дело шьешь. Нехорошо это, не по-товарищески!

Задов демонстративно баюкал им же небрежно загипсованную руку, и даже угроза Малюты сломать ему вторую конечность так и не смогла заставить дрогнуть сердце одессита.

Все это время несчастный Нестеров ежедневно встречал утром Владимирова у дверей кабинета и с надеждой заглядывал тому в глаза. Командир глаза смущенно отводил, и понурый Нестеров покидал штаб.

В конце концов каменное сердце Владимирова не выдержало, и он пригласил просиявшего летчика в свой кабинет. Нестеров под диктовку Владимирова написал еще одну заявку, и Дмитрий Евгеньевич, наложив на нее единственную, но неумолимую резолюцию, отдал драгоценную бумажку летчику из рук в руки лично. Резолюция гласила: «Тов. Хохелу. Лично. Два дня! Обеспечить! Без возражений!!!» Далее стояла дата и подпись. На всякий случай Владимиров поставил еще и печать.

Прижимая удовлетворенную заявку к груди и нервно оглядываясь на окружающих, воспрянувший духом ас пошел, нет, побежал к заму Владимирова по тыловому обеспечению. Неумная энергия Нестерова, желавшего побыстрее подняться в небо, переключилась на Хохела Остаповича.

Товарищ Щирый, как обычно, был на своем рабочем месте. Он всегда был на нем. Он даже ночевал порой на складе, опасаясь внезапной и внеплановой ревизии.

– Комиссия? – встрепнулся Хохел Остапович, снимая ноги со стола, отодвигая в сторону кроссворд и хватая бутылку с зажигательной смесью. Вызывай пожарную команду!

– Нет, – успокоил летчик опытного складского работника, который уже успел зажечь спичку и поднести к горлышку бутылки с коктейлем Молотова. – Заявка.

Хохел спрятал коктейль, перекрестился и бросил спичку в стеклянную банку из-под тушенки.

– Ну чего там? – брезгливо протянул руку Хохел, опять водружая ноги в войлочных тапочках на захламленный стол. – У меня вообще-то обед.

– В десять часов утра? – наивно удивился Нестеров.

Хохел презрительно хмыкнул.

Поданную бумагу он, впрочем, прочитал недовольно, но внимательно, а затем, недоуменно обшарив глазами фигуру Нестерова, поднял глаза к потолку и раздумчиво сказал: «Да-а. Тут проставиться бы не мешало».

– Потом, – уклончиво ответил Нестеров.

Хохел знал: «потом» у господ офицеров означает «никогда». Вздохнул и накарябал на заявке свою подпись, подумал немного и еще что-то дописал. Переминавшемся на месте штабс-капитану предложил зайти через пару дней. Когда Хохел хотел, он умел работать быстро и выбивал из главка все необходимое.

Ровно через два дня снабженец вручил Нестерову небольшой сверток промасленной бумаги, небрежно перевязанный бечевкой. Обалдевший летчик не стал развязывать веревку, а просто разорвал бумагу. Там был новенький редуктор от авиадвигателя к французскому биплану «Ньюпорт».

– А где все остальное? Где аппарат? – потрясенно спросил Нестеров, заглядывая Хохелу через плечо в темные глубины склада, надеясь увидеть знакомые очертания летательного аппарата.

– Потом, – равнодушно ответил Хохел и занялся любимым делом: перелистыванием страниц книги учета имущества. Нестеров развернулся на каблуках и понуро ушел, бережно прижимая к груди редуктор.

Достоинств у Нестерова-летчика и Нестерова-офицера было множество. Но имелся у него, к сожалению, и один недостаток. Он был упрям. Тем более, до того как попасть в отряд, Нестеров служил в армии, где офицеры прапорщиков замечали только в пределах устава, а уж о том, чтобы проставляться, не было и речи. Даже если прапорщики играли важную роль в обеспечении всем необходимым для военной службы.

Летчик выбрал другой путь. Еще в гимназии и в юнкерском училище на уроках Закона Божьего он уяснил для себя, что у любого человека есть совесть. И, значит, чисто теоретически у Хохела она тоже должна быть. К ней он и решил воззвать. Тем более что бегать к командиру отряда с жалобами на Хохела – он считал ниже своего достоинства. Настоящий летчик не может жить без неба, и отступить от своего желания получить аэроплан пилот Нестеров никак не мог.

Ежедневно с утра Нестеров приходил на склад и интересовался у Хохела: не доставили еще аэроплан? Получив отрицательный ответ, пилот выходил наружу. Напротив входа он ставил прихваченный с собой складной стульчик, садился на него, расстилал на земле клеенку, доставал из сумки редуктор, из специального чехла вынимал разводной ключ, отвертку, ветошь и масленку. Затем он разбирал механизм, без которого аэроплан не поднимется в воздух, протирал, смазывал, собирал, щелкал деталями и винтиками.

Постепенно Нестеров усложнил процесс сборки-разборки редуктора, стремясь добиться экстра-класса. Штабс-капитан собирал его на время, с закрытыми глазами и даже одной левой рукой.

Хохел, человек психологически стабильный, через несколько дней возненавидел и Нестерова, и редуктор. Натура у него была цельная, а значит, не менее упрямая, чем у штабс-капитана. Коса нашла на камень. Сначала он только посмеивался. Затем неотлучно находившийся напротив двери склада летчик начал его нервировать. Черного хода не было, а чужие глаза так же вредны для тыловики, как для восточной целомудренной невесты.

Нестеров продолжал любовно чистить свой редуктор. За неделю, проведенную напротив входа на склад, он втянулся в это дело. И начал получать от своего мастерского владения редуктором немалое удовольствие.

Выходя на крыльцо покурить, Хохел смотрел на редуктор с откровенной ненавистью. «Черт его принес! Гм, гм... Тьфу!» – И Хохел, длинно сплюнув, возвращался в прохладу ничемного поднадзорного склада. Ему очень хотелось стащить какую-нибудь деталь и посмотреть, как Нестеров чокнется прямо возле своей клееночки, пытаясь собрать свою железяку.

В офицерском кафе в ответ на подначки соседей по столу он пообещал прирезать бесстрашного авиатора собственными зубами.

У выхода Хохела догнал Задов. Они долго шептались за углом. В конце разговора пожали друг другу руки и, довольные собой, разошлись. Цена вопроса осталась неизвестна. На следствии оба утверждали, что это была шутка. Просто шутка. Хотя в альтруизм Задова никто не смог поверить, доказать наличие мзды за злодеяние было невозможно. На следующее утро, когда Нестеров, как обычно, легко и играючи разобрал механизм у склада Хохела, к нему подошел расхлябанной походкой Задов. Он спросил у него какой-то пустяк – который час или прикурить – и втихаря подбросил на клеенку болтик, открученный из настенных часов штабной палаты. И сразу же быстро ушел. Наблюдавший за этим из глубины склада Хохел радостно потер руки. Уже через сутки воздушный ас сделался не в себе. Мягко говоря, он был удивлен, когда, собрав редуктор от «Ньюпорта», он нашел болтик, который не завинтил. Он медленно разобрал блестящий механизм, снова собрал, но болт все равно остался лишним.

Все сутки авиатор провел за сборкой-разборкой редуктора, чувствуя, как душевный покой оставляет его. На следующее утро он не пошел к складу и не пошел на обед. Все время он проводил у себя в домике. В сумеречном состоянии разума Нестеров собирал и разбираал редуктор разными способами. Он разбирал его в темноте, задернув шторы и выключив свет, собирал его на свет. Из-за двери домика доносилась громкая ругань и металлическое щелканье. У Нестерова под глазами залегли темные круги. На следующий день к нему пришел Дуров и накатил ему в стакан с вермутом успокоительных капелек. Не помогло. Ночью летчик долго стучал головой о стол. Тоже не помогло. Леонид Владимирович переживал. Его беспокоила травма головы, которую авиатор получил при таране австрийского аэроплана. По его наблюдениям, она иногда давала о себе знать, как, например, беспричинная стрельба на пожарище по догорающим доскам.

На второй день Задов сжалился и уже поздно вечером постучал в дверь домика Нестерова. Летчик сидел в расстегнутом кителе перед столом, покрытым клеенкой. Его руки бесцельно перебирали детали редуктора, разложенные перед ним. Запавшие глаза блуждали. Он что-то бормотал себе под нос.

– Петр Николаевич, – сказал Задов, криво улыбаясь и поправляя папаху, сдвинутую набекрень. – Не надо так переживать. Это мы так с Хохелом пошутили. – Он молча взял с клеенки свой болтик и ушел, осторожно закрыв за собой дверь.

В вечерней тишине над отрядом разнесся рев, напоминающий гудок парохода в тумане.

Вахтенный офицер на подводной лодке на всякий случай скомандовал срочное погружение, приняв рев Нестерова за сигнал тревоги. Субмарина легла на грунт рядом с причалом.

Этой же ночью дежурный по отряду поймал Нестерова при попытке вскрыть оружейную комнату. Ему на десять минут срочно понадобился ручной пулемет и пара гранат.

Утром все в отряде хохотали. Задов и Хохел заперлись на гауптвахте и через окошечко в бронированной двери уныло просили прощения. Нестеров в ответ скрежетал зубами и маленькой отверткой безуспешно пытался отогнуть бронелист. Его увел к себе Дуров, взяв под локоток: пить чай с травками. Летчик пару раз обернулся и погрозил кулаком железной двери гауптвахты. Из окошка внимательно смотрели две пары глаз. Выходить Задов и Хохел не спешили. Они остались в камере еще на десять суток, но уже на официальном основании.

Нестеров после перенесенного стресса перестал ждать аэроплан. На редуктор он даже смотреть не мог без содрогания – сразу начинала дергаться щека.

* * *

Владимиров спал, и ему снился сон.

Взлетная полоса, вылитая из бетона, была раскалена палящим афганским солнцем. Вылет из кабульского аэропорта задерживался. Погрузка в транспортный самолет откладывалась. Он с сослуживцами, срок командировки которых закончился, томился в ожидании отправки в Термез. В плавающем мареве, как мираж, появилось лицо начальника штаба полка и глумливо сообщило сквозь зубы: «В горах Гиндукуша еще много работы для товарищей десантников. А посадка в транспортник будет, обязательно будет, но не для них». Лицо медленно растаяло в воздухе вместе с остатками сна.

Владимиров проснулся в холодном поту. О своей «работе» в Афгане вспоминать не хотелось. Это была его первая командировка.

«Кто у нас в отряде умеет толковать сны? – спросил сам себя командир и тут же сделал пометку в памяти: – Надо сходить при случае к отрядному священнику».

Командир проснулся в своем кабинете, потому что накануне решил разобраться с накопившимися документами. Дмитрий Евгеньевич не любил бумажной работы. Даже, можно сказать, чурался ее и отлынивал. Предыдущая служба в воздушно-десантных войсках нало-

жила на Владимирова свой неизгладимый отпечаток. Его стихия – свалиться с неба, головой об землю, и в бой. А тут эти бумажки, будь они неладны.

На столе скопилась внушительная стопка документов, по которым надо было принять решение или хотя бы наложить резолюцию. Он снял сверху несколько страничек, скрепленных кованой медной скрепкой. Это была заявка барона Маннергейма. В ней обстоятельно расписывалась необходимость доставки на остров нескольких сотен тонн цемента. К заявке барон приложил чертежи будущего укрепрайона береговой линии по периметру острова.

Замысел был прост. После возведения многоуровневых, глубоко уходящих под землю дотов из бетона небольшой клочок суши посреди океана должен будет стать неприступной крепостью. Карл Густавович скромно предлагал назвать будущую цитадель Линия Маннергейма.

«Хороший офицер. Упорный! – подумал про себя командир. – Никак не успокоится. В который раз подсовывает этот бред».

Владимиров размашисто написал в верхнем правом углу: «Срочно посетить лазарет. Врачу: доложить о результатах медосмотра мне лично».

Следующей бумажкой оказался рапорт командира подводной лодки. Капитан-лейтенант казенным языком скупко извещал, что после боевого похода к острову Безымянный у него пропал наградной кортик, который ему лично вручил гросс-адмирал Денниц. Он особо упирал на то, что клинок особой ценности не представляет, но лично ему дорог как память. Также исчез последний исправный цейссовский бинокль, необходимый для несения службы дежурной вахтой.

В связи с этим капитан субмарины ставил под сомнение целесообразность проведения вечера дружбы между моряками и членами отряда, запланированного заместителем по высокому моральному духу на ближайшее полнолуние. Осторожный Отто не исключал эксцессов. Особенно если будет присутствовать герр Задов. Дальше шел небольшой список пропавших вещей, уместившийся на странице. Командир, поморщившись, вспомнил, что некоторые из них видел то ли у Задова, то ли у кого-то из его приятелей.

На рапорте он написал непривычно подробно и членораздельно: «Командира подводной лодки наградить именным щитом. Баранову в полнолуние никаких мероприятий не проводить. Морякам с субмарины сход на берег под любым предлогом запрещен. Скуратову провести с Задовым профилактическую беседу».

Командир довольно ухмыльнулся. Огромный щит высотой в человеческий рост, работы неизвестного грузинского мастера, давно стоял в его приемной, прислоненный к стене. Откуда он взялся – никто уже не помнил. Многопудовая железяка периодически падала со страшным грохотом цинкового корыта, пугая дежурного по отряду. До сих пор Владимиров втайне надеялся, что особенно часто дежуривший в приемной Лева когда-нибудь замешкается и увернуться не успеет. И таким образом добрая половина отрядных проблем решится сама собой. Но неутомимый Задов по штабным коридорам бегал быстро, и до сих пор щит падал вхолостую.

Забегая вперед, скажем, что Владимиров своим волевым решением чрезвычайно польстил прусскому самолюбию Отто. Капитан подлодки наградой остался доволен и о кортике больше не вспоминал. Щит, из-за его гигантского размера, затащить в лодку не смогли. Боцман долго не думал и приварил его к рубке. Субмарина сразу же приобрела вид дикий и лихой. Чайки перестали на нее садиться и облетали далеко стороной. Сразу стало меньше хлопот по наведению чистоты на палубе.

Вместо бинокля выдали старинную подзорную трубу из меди. В нее все равно ничего не было видно. С обратной стороны на треснувшую линзу была приклеена вырезанная из древней гравюры картинка с пышногрудой русалкой. Моряки бартером остались довольны.

Следующим документом был запрос Батыра на экстренное введение штатной должности его заместителя. Командующему военно-морскими силами срочно потребовался зам, чтобы тот таскал в командировках хурджин бека, а в послеобеденный сон Батыра под липой обмахивал его липовой ветвью, отгоняя мух. Владимиров, впрочем, подлинных мотивов рапорта не знал, а потому написал излюбленную резолюцию: «Подумаю».

Четвертая бумага, вытянутая Владимировым совершенно наугад, была рапортом его комиссара, брызжущим слюной и желчью. Фурманов слезно молил отпустить его в отпуск по семейным обстоятельствам в реальность «Земля-478», где он якобы забыл попрощаться с какой-то знакомой пулеметчицей и старым приятелем, которого обещал, да так и не научил плавать.

Владимиров скрипнул зубами, но резолюцию наложил положительную. Покончив с четвертой бумажкой, Дмитрий Евгеньевич посчитал свой долг исполненным и устало откинулся в кресле. Было уже 9.30 утра.

К бумагам на столе Владимиров больше не прикасался и, закрыв дверь на ключ, хмурясь, разделся и опять прилег на диване, обитом потрескавшейся кожей.

Все было бы ничего, но сон не шел. Жесткая пружина упиралась сквозь кожаную обшивку в бок. Солнце било в глаза из-за штор. За окном что-то до боли знакомое орал Латын Игаркович, которому Петруха уронил на ногу полученный со склада радиатор. Утро началось явно на минорной ноте.

Неожиданно по стационарному свет-трюмо связи прошла рябь, и послышалось деликатное покашливание куратора. Начинался внеплановый сеанс связи с главком. Владимиров запрыгал на одной ноге, стараясь попасть в штанину. К началу разговора он был готов через сорок пять секунд. Он не успел надеть только китель. Перед зеркалом он стоял в тельняшке в голубую полоску, без рукавов.

На мускулистом предплечье красовалась татуировка: парашютист и надпись: «Кто служил в ВДВ – тому не страшен ад». Правда, Дмитрий Евгеньевич собирался свести ее по совету Малыты. Скуратов однажды вскользь обронил: «В том месте, которое не страшит десантника, персонал относится к такой росписи на теле с явным предубеждением».

Монолог куратора был краток: «В белорусских лесах 1943 года для десанта есть работа». Экран погас. Сон был в руку. Ночной кошмар стал явью.

Берестяной туесок с пневмопочтой весело пометался по пластиковым трубам под потолком и, насладившись мучительным ожиданием начальника отряда, вывалился на стол. Владимиров опасливо потыкал бересту шваброй, убедился, что она, во всяком случае на первый взгляд, не опасна, и осторожно взял в руки.

Суть задания сводилась к следующему. Как поведала аналитическая справка, где-то у истоков времен реальности «Земля-611» на нее упал метеорит, каковых, как известно, в темных просторах Вселенной носится превеликое множество. Тут аналитики зачем-то глумливо процитировали Михайло Ломоносова: «Открылась бездна, звезд полна, звездам числа нет, бездне – дна!»

Владимиров оскалил безупречные белые зубы и тихо зарычал. Он обожал Ломоносова-физика, Ломоносова-химика, Ломоносова-математика, Ломоносова-геометра, но со школы не переваривал Ломоносова-поэта и его вирши. Аналитики это, похоже, знали.

Дальше. Этот космический странник нес споры, ожившие в земной атмосфере. Незвестная на планете инфекция попала в окружающую среду. Паразит развивался естественным путем, особенно сильно – в месте падения метеорита. Он заражал людей, вызывал симптомы, подобные бешенству, пробуждая зверя в своих жертвах в прямом и переносном смысле. Как только зверь высвобождался, тело менялось в полном соответствии с переменами в душе.

Время шло. Паразит адаптировался. Переносчик оборотничества уменьшал интенсивность звериной ярости, которую он вызывал. Это позволяло жертве сохранять часть своего рассудка, или, скорее, звериной хитрости. В тот период жертвы паразита начали формировать маленькие сообщества себе подобных, наподобие звериных стай или охотничьих групп.

И если вначале паразит передавался через слюну оборотня, попавшую в кровь жертвы, то теперь появился новый вектор распространения: инфицированные жертвы стали способны скрещиваться.

В конечном счете паразит потерял способность существовать отдельно от носителя в своем истинном облике – как микроорганизм. Вирус исчез, превратившись в часть генетического кода хозяев, передаваемую из поколения в поколение.

Именно на этом этапе истинные оборотни выделились из человеческой расы. Они, несмотря на их способность принимать человеческую и получеловеческую форму, не люди. Оборотни стали самостоятельной расой. Некоторые ученые Главка считают их другим видом. На практике, конечно, не так уж и важно, как появились оборотни. Они существуют, и это единственное, что волнует людей.

Далее следовали более приземленные, а следовательно, и более любопытные для Владимира данные...

В реальности «Земля-611» немецкие вервольфы заключили договор с имперской службой безопасности и поступили на службу Третьему рейху. Чем они занимались, неизвестно. Но если командование СС во главе с Гиммлером думало, что управляет ими, то глубоко ошибалось. Оборотни никогда никому не служили, а только делали вид. Вервольфы отличались особым высокомерием. Они считали себя сверхсуществами даже среди других перевертышей. К иным зверолодям они относились с плохо скрываемым презрением, считая их низшей кастой, недооборотнями. При любом удобном случае они безжалостно расправлялись с ними, но предпочитали это не афишировать, списывая гибель себе подобных на людей, охотников за нечистью.

Договорам с людьми вервольфы следовали лишь до тех пор, пока им было выгодно. Потом разрывали их в одностороннем порядке. От Третьего рейха вервольфам нужен был доступ в Полесье, туда, где, по легендам и преданиям, лежал метеорит, породивший расу нелюди. Что надеялись сотворить вервольфы, найдя метеорит? Найти ответ на этот вопрос командование предложило Владимирову и его подчиненным.

Командир отряда отправил бересту в печь, чиркнул спичкой и задумался. Потом внезапно просиял.

– Шиш тебе, а не отпуск! – приплясывая на месте, мелко захлопал Владимиров в ладоши. – В декабре пойдешь.

Он вернулся за стол, с ехидным наслаждением перечеркнул свою резолюцию на рапорте Фурманова и наложил новую: «Срочно вылетаю по приказу главка. Остаешься за меня».

Выйдя в приемную, Владимиров швырнул пачку отработанных документов на стол дежурного, который, как всегда, где-то шатался; затем вернулся, трепетно вздохнул и открыл шкаф.

В нем на вешалках висела форма разных армий и разных времен. Начиная от прыжковых комбинезонов и полевого камуфляжа и заканчивая парадными мундирами. Объединяло их одно: на всех были знаки различия воздушно-десантных войск и погоны подполковника. Об этой слабости командира никто не знал. Ну, может, только Скуратов. Владимиров закрыл шкаф и вызвал дежурного.

– Вызовите ко мне Кузнецова! И вот еще: эти двое шутников еще сидят на гауптвахте?

– А куда им деваться! Скуратов им каждый день еще по несколько суток добавляет, – ответил Петька. Сегодня он был дежурным по отряду.

– Пусть Кузнецов возьмет с собой все необходимое для командировки, – подумав, добавил командир.

– Без инструктажа? Один? – удивился Филиппов.

– Выполнять! – коротко скомандовал Владимиров.

Когда за Филипповым закрылась дверь, командир подошел к шкафу и снова открыл створку.

* * *

Кузнецов, держа в левой руке вещмешок, постучал и вошел в кабинет командира отряда. Там стоял перед зеркалом мужчина в полевой форме парашютиста-десантника Люфтваффе с погонями подполковника. Он поправлял перед зеркалом защитного цвета кепи, норовившее сползти на глаза.

Неожиданно для самого себя Кузнецов щелкнул каблуками и вскинул правую руку вверх в фашистском приветствии: «Хайль!..» – и осекся, не закончив фразу. Из-под козырька на него смотрел улыбающийся Владимиров.

– Зиг хайль, зиг хайль, Николай Иванович. Сейчас забираем наших штрафников – и на карусель. Вы что-нибудь слышали по своим каналам о вервольфах времен Великой Отечественной войны? – спросил командир, перекидывая через плечо ремень автомата МП-40, его десантный вариант со складывающимся прикладом. На спину командир надел немецкий ранец из оленьей кожи.

– Лично сталкиваться не приходилось. Но приходила шифрограмма с Большой земли, что немцы планируют создать мобильное подразделение из вервольфов для борьбы партизанами. А так они использовались для охраны спецобъектов.

– Любопытно, – заинтересовался Владимиров. – И где?

– «Вольфшлюкт», или «Волчье ущелье», было на франко-бельгийской границе, «Вервольф», или «Оборотень», где-то в районе Винницы, и «Вольфманце» – «Волчье логово» – в Восточной Пруссии, – отчеканил Кузнецов. – А доверяли им всерьез – в «Вольфманце» даже находилась ставка Гитлера.

– А почему не разбомбили? Если Центр знал его местонахождение? – удивился Владимиров, подтягивая плечевые ремни ранца.

– «Волчье логово» ни разу не смогла обнаружить авиационная разведка – ни наша, ни союзников; по нему не было нанесено ни одного авиаудара. Наши посылали парашютистов офицерского спецотряда из пограничников и энкаведешников. Самолеты вернулись обратно, так и не сбросив десант, – без запинки ответил Кузнецов. – По мнению аналитиков, место расположения «Волчьего логова» было выбрано не случайно. Здесь находится участок так называемого трансформированного пространства. Строения определенного типа как бы сливаются с местностью и со стороны не видны. А контуры бункеров «логова» точно повторяют строение тибетских монастырей, обладающих такими же свойствами. Больше о них мне ничего не известно, – закончил Кузнецов на одном дыхании.

– Скоро представится возможность узнать побольше, – сказал Владимиров, не вдаваясь в подробности. – А пока пойдем, заберем охламонов, пока Скуратов из них душу не вытряс.

На гауптвахте все сияло. Стены, двери, крыша, резные наличники и крыльцо были выкрашены свежей краской. Когда красить стало нечего, Малюта начал отрабатывать с Задовым и Хохелом упражнение по скрытному преодолению двора миниатюрной военной тюрьмы. Скуратов был рад арестантам. Обычно гауптвахта пустовала, ветшая на глазах, как любой дом без постояльцев.

Задов и Хохел в очередной раз по-пластунски переползали дворик, окруженный высоким забором, специально выложенным битыми камнями с острыми краями.

– Вы что, из публичного дома сбежали? – орал Скуратов, наблюдая за очередным переползанием двора. – Чего зады отключиваете? Прижимайтесь к матушке-земле, она не выдаст! Незачет! Попробуем еще раз.

– Тут земли и в помине нет! Один кирпич и камень, – подал голос снизу Лева. Последние метры он преодолел на четвереньках.

– Как нет земли? – делано изумился Скуратов. – Сейчас еще поползаем, а вместо обеда начнем копать. Я вам покажу и землю, и ее недра.

– Грустно все это! – пробормотал Хохел, тяжело дыша на старте новой дистанции.

– А ну, смейтесь! Громче, не слышу! – заревел Скуратов. Происходящее его забавляло.

Арестанты медленно ползли, плотно прижимаясь к земле. Они громко смеялись. Смех напоминал плач потерявшихся в дремучем лесу детей.

– Весело вам! Завидую, – пробасил Малюта, прикидывая, на сколько метров надо зарыться в землю, чтобы откопать окоп для стрельбы стоя с бегущего верблюда.

Владимиров и Кузнецов вошли на территорию гауптвахты, закрыв за собой железную дверь в высоком заборе. Николай сразу вспомнил Моабитскую тюрьму и поэта Мусу Джалиля. Ему нравились стихи, от которых щемило сердце.

– Так и будете лежать? Отдыхаем? – поинтересовался командир отряда, подойдя поближе.

– Подъем, лежебоки! – отозвался на его пожелание Скуратов.

Кряхтя и отряхиваясь, Задов и Хохел поднялись и выжидательно уставились на вошедших. Дни, проведенные ими на гауптвахте, похоже, были срежиссированы человеком со специфическим чувством юмора. Или не человеком...

– Вам не кажется, что не стоит делать то, что не нравится? Жизнь слишком коротка, – пояснил Владимир и, не дождавшись ответа, продолжил: – Требуются добровольцы.

Не сговариваясь, без раздумий и колебаний Задов и Хохел сделали большой шаг вперед.

– ...Задание очень специфическое...

Еще шаг вперед.

– ...Я еще не все сказал. Командировка сопряжена с особыми трудностями, – пытался закончить свою речь командир. С таким единодушным порывом он давно не сталкивался. Особенно со стороны Левы, парня бесшабашного, но осторожного.

Арестанты сделали одновременно третий шаг.

– Согласны! – выдохнул Задов.

– Кого надо убить? – деловито поинтересовался Хохел, облизнув потрескавшиеся губы.

– Через пятнадцать минут встречаемся у карусели. С собой взять все необходимое для действий в лесу. Свободны!

Оба, не оглядываясь, рванули со двора. Путешествие к центру земли откладывалось. Скуратов огорченно махнул рукой – у него было еще много всяких задумок. Не так часто на гауптвахту попадали арестанты, особенно такие колоритные, как эта сладкая парочка.

– А после командировки этих голубей сизокрылых снова под арест? – вкрадчиво поинтересовался Скуратов. Его глаза вспыхнули надеждой.

Командир отряда посмотрел на него взглядом, которым можно было бы остановить танк, и молча вышел со двора гауптвахты. Следом за ним поспешил Кузнецов.

Двое в немецкой форме шли в сторону карусели, провожаемые взглядом Филиппова, дежурного по отряду. В такую рань больше никто их не мог увидеть. Все еще спали.

Задов и Хохел уже были на карусели. Расстелив на капоте деревянной пожарной машины газету, Хохел кромсал ножом на большие ломти шмат сала с розовыми мясными прожилками. Рядом лежала небольшая плоская фляжка.

Владимиров удивленно хмыкнул. Такой прыти от подчиненных он не ожидал.

– Вам что, есть не давали? – спросил командир, осторожно усаживаясь в кабину самолета, покрашенного в легкомысленный желтый цвет. – Не кормили вас, спрашиваю?

– Кормили, но с диетическим уклоном, – невнятно ответил Хохел, поспешно запихивая еду в вещмешок.

Кузнецов устроился на деревянной броне зеленого танка. Задов и Хохел сели в двухместную римскую галеру.

– А где тут цепи? Неужели нет? – ненатурально удивился Задов, шаря по дну. – Я без них чувствую себя голым.

Его голос заглушила песня из репродуктора: «Идет охота на волков! Идет охота! На серых хищников, матерых и щенков». Карусель раскручивалась, начиная свой стремительный бег. Владимиров сглотнул, вспомнив упражнения для вестибулярного аппарата в десантной учебке, и поспешно закрыл глаза.

* * *

Карусель остановилась на околице небольшой деревеньки, затерявшейся посреди белорусских лесов. Точнее сказать, рядом с тем местом, где раньше была деревенька. Взору десантников предстали закопченные печки с остовами полуразвалившихся труб. Все дома были сожжены. Сгорели они давно. На пепелище успели вырасти высоченные сорняки и крапива. Огненный вал войны прокатился и по этому глухому уголку. Задов, имевший скверную привычку высказывать свое мнение по любому поводу вслух, на этот раз промолчал. Не было видно ни единой живой души: ни людей, ни домашней скотины. Никого. Тихо, как на погосте.

– Надо искать партизан, – нарушил молчание Владимиров. – Николай! Нам куда?

– Надо двигаться поглубже в лес и поближе к болотам. Где легче спрятаться, там и партизаны. Во всяком случае, я бы так выбирал базу для лагеря.

Узкая дорога, проходившая через деревню, за околицей быстро исчезла, уткнувшись в лес.

Четверо людей тяжело шагали по высокой траве, наклоняясь под упругими ветвями елей и огибая топкие ямы, наполненные черной водой. Но еще труднее было обходить громадные завалы, нагроможденные осенними бурями. Они на целые километры преграждали путь по лесу – не продрасться сквозь буреломы поваленных стволов, вывороченных пней и перебитых суков, торчащих, как острые копыя.

Стояло жаркое лето. В воздухе пахло нагретой хвоей. Между деревьев изредка пролетали лесные пичуги, жужжали и гудели насекомые. Кусты и жесткая трава были затканы свежей сверкающей паутиной.

Пройдя несколько километров, путники вышли к извилистой речке, которая пряталась под склоненными деревьями. Еле-еле нашли тропу, проложенную животными вдоль воды. Судя по следам, кабаны, причем очень крупные. К самой воде подойти было нельзя: крутой берег сплошь зарос кустарником. Тропа вела к холму; там уже не было болот, все вокруг заросло дубами. Под ногами захрустели крупные желуди. Наконец тропинка вывела спутников к подножию холма, тоже покрытому шапкой необхватных дубов. На самом верху они увидели небольшой деревянный дом. Тихо, стараясь не шуметь, десантники направились к избушке, срубленной из цельных бревен.

Особенно хорошо это получалось у Задова и Хохела. Они даже не ползли, а скользили в густой траве, как две крупные ловкие ящерицы. Инквизиторские тренировки Скуратова неожиданногодились. Владимиров с Кузнецовым, громко сопя, заметно отставали.

Входная дверь внезапно распахнулась, и в проеме показалась человеческая фигура. Это был краснолицый старик неопределенного возраста. Он был приземист и мускулист,

как молотобоец, а его лицо, покрытое длинной седой щетиной, походило на обветренное лицо охотника-промысловика. Пониже маленьких круглых глазок красовался курносый нос с дырочками ноздрей. Он остановил свой взгляд на десантниках, скрытно подбиравшихся к его дому, запрокинул голову и расхохотался.

– Заходите, заходите! – зашумел он. – Не нужно подкрадываться к дому, который всегда открыт. Оставьте лес за порогом.

Не дожидаясь повторного приглашения, десантники поднялись с земли. Четверка смущенно переминалась с ноги на ногу и отряхивала с одежды траву и листья. Незнакомец повторил приглашение широким жестом, и они вошли в дом. Владимир повесил автомат на шею по немецкой моде и вошел последним, остановившись возле окна.

Лицо хозяина расплывалось в непрерывной улыбке – это начинало казаться странным. Даже непробиваемый командир почувствовал себя неуютно. Что скрывалось за этой улыбкой? Какая-то она странная... Хорошо скрываемое напряжение? Однако мысли эти стремительно унесло потоком болтовни гостеприимного хозяина.

– Ух, сразу двое немцев! И не надо искать, сами пришли! Офицеры, ну повезло! – тараторил он, потирая широкие ладони, и, переведя взгляд на Задова в неизменной тельняшке и бриджах, продолжал без малейшего промежутка: – А что, у нового режима нет средств одеть полицейских во что-то поприличнее?

Тут вышла промашка. Назвать Леву полицейским знающий человек никогда бы не рискнул. Тяжелее оскорбления для босняка, выросшего на Молдаванке, было трудно придумать.

– Я тебе покажу, старый хрыч, полиция! – заорал Задов и, подхватив с пола тяжелую табуретку, кинулся на обидчика.

Чрезмерная ярость и самоуверенность Левы подвели его, а заодно и ускорили ход событий.

Сцена, представшая затем перед десантниками, повергла всех в ступор. Хозяин дома отскочил в дальний угол горницы, сбросил свою одежду и начал изменяться. Его кости смещались, увеличивались и изгибались. Его череп менялся, как будто был сделан из глины. Рот и нос стали похожи на большое свиное рыло, лоб увеличился и навис над глазами, маленькие глазки налились кровью. Мышцы изменялись вместе с кожей. Это было бы отвратительно и без звукового сопровождения, но при этом был слышен звук, похожий на то, будто на жаровне жарили мясо...

Волосы, до этого бывшие средней длины, укоротились и стали похожи на густую щетину, спускающуюся по его позвоночнику. Грязно-бурая шкура заменила человеческую кожу.

Обращение заняло несколько секунд, хотя всем показалось, что это длилось много больше. Перед ними стояло чудовище. Улыбающийся получеловек-полукабан. С двух желтых острых клыков стекала слюна. Только сейчас они поняли, зачем он их пригласил в дом. Задов застыл на месте с поднятой табуреткой в руке, напоминая скульптуру комбата, увлекающего за собой в атаку бойцов. Кабан-оборотень мерзко хрюкнул и затопал по полу ногами, на которых выросли копыта. Получилась лихая чечетка.

Первым сориентировался Владимир. Не говоря ни слова, он высадил оконную раму автоматом и ласточкой сиганул в проем. Еще в воздухе он сгруппировался и, перекатившись на земле через голову, встал на ноги. Сразу было видно – настоящий десантник. Любо-дорого смотреть! Остальные выпрыгнули следом – без десантного шика, но не менее стремительно. Они давно усвоили: где командир – там победа.

Очень скоро сидели все вместе, рядом, на остром коньке крыши, стараясь не шевелиться. Один Хохел нервно ерзал, стараясь устроиться поудобнее. Мысленно он крыл себя

последними словами за то, что постеснялся сходить в медпункт подлечить у Дурова свой геморрой.

Внизу безостановочно нарезал круги вокруг дома здоровенный полусекач-получеловек. Когда ему надоедало носиться на задних копытах, он вставал на четвереньки и начинал бегать с удвоенной скоростью, периодически задирая рыло вверх. Наконец он остановился и помахал передним копытом, предлагая спуститься. Командир отрицательно помотал головой. Задов плюнул – и попал. Оскорбленный до глубины души оборотень пронзительно завизжал. На этом переговоры закончились.

Задов периодически сплевывал вниз, целясь в пяточок. Хохел старался от него не отставать. Командир поначалу хмурился, но не выдержал и вскоре присоединился к ним. Он сразу попал не в бровь, а в глаз. Один Кузнецов не принимал участия в общей забаве. Он курил папиросы и щелчком отправлял горящие окурки в оборотня, внося таким образом свой посильный вклад. Задов весело хохотал. Ситуация его откровенно забавляла.

Оплеванная лесная свинья, возмущенно хрюкая, отбежала на безопасное расстояние с наветренной стороны и села на пригорке. Плевать против ветра после нескольких попыток стало неинтересно. Злобно повизгивая, оборотень неуклюже счищал копытами плевки с щетины. Получалось плохо. Потом он порылся клыками в земле и, аккуратно зажав что-то в копытах, осторожно приблизился к дому. Здесь кабан поднял лапу и коротко хрюкнул. На копытце лежал спелый желудь. Видимо, разум зверя сейчас преобладал в нем над человеческим. Такой примитивный уловкой он надеялся заманить врагов на землю с крыши.

Задов, сделав поправку на ветер, собирался послать ответ. Кузнецов погрозил ему пальцем и, сложив руки в рупор, громко крикнул:

– Товарищ! Товарищ свинья! Вы нас не за тех приняли! Мы не фашисты, и даже не немцы. Мы свои. Советские!

Задов что-то пробурчал под нос. Кабан наострил уши и пошевелил пяточком. Он внимательно разглядывал непрошенных гостей, чинно восседавших на крыше. Желудь он отправил в пасть и с хрустом его разжевал. Особого дружелюбия оборотень по-прежнему не выказывал. Глазки у него были налиты кровью.

Владимиров засунул руку под пятнистую плащ-накидку, наброшенную поверх немецкой парашютно-десантной формы. Он вытащил из-под отворота маленькую тоненькую книжечку темно-красного цвета и, вздохнув, без размаха бросил оборотню под копыта. Кабан шарахнулся в сторону, заподозрив подвох, потом встал на четвереньки и осторожно обнюхал ее, с шумом втягивая воздух.

Он уткнулся в книжечку пяточком и, посплюнявив копыто, аккуратно перелистал все странички, подслеповато щуря и без того маленькие глазки. После этого он задрал голову вверх и уже немного доброжелательнее похрюкал. Во всяком случае, без прежней злобы.

Обратное изменение из полукабана в человека много времени не заняло. Оборотень перекинулся быстро. Внизу стоял человек, только голый и сильно заплеванный. Прикрывая спереди ладонями стыд, он пошел к крыльцу. Красную книжечку он не оставил на земле, а бережно зажал между пальцами. Сверху это выглядело несколько двусмысленно. Поднимаясь по ступенькам, он зычно крикнул: «Слазьте! Поди, ноги уже затекли! Сразу надо было сказать, что свои, а то ишь, вырядились!..» Старик хозяйственно поправил босой ногой половичок и шагнул в дверь.

Помогая друг другу, десантники осторожно слезли с крыши. На этот раз первым в дом вошел Владимир с автоматом на изготовку.

Хозяин дома умывался, стоя у бадьи с водой, и с шумом отфыркивался. Оглянувшись на вошедших, он стыдливо повернулся к ним спиной и быстро оделся. Затем пригладил пятерней растрепанные волосы и представился: «Митрич, лесник».

– Неласково гостей встречаете, – проворчал Задов, державшийся от хозяина на безопасном расстоянии.

– А я вас в гости не звал, – окрысился хозяин. – Тем более думал, что каратели от своих отбились. Месяц назад немцы деревеньку и летний пионерский лагерь сожгли на дальнем озере. Тех, кого догнал, всех в ключья... порвал... и снова пор-рвал... – Кабана Митрича подзаклинило, но он справился.

– ...И съел? – уточнил Хохел. Он чувствовал себя особенно неуютно: в его вещмешке лежал шмат сала, и он опасался, что лесник его учует. Дальнейшее было трудно предсказать.

– Я предпочитаю желуди. А какие роскошные помои были в пионерском лагере! – пустился в воспоминания лесничий и всхрюкнул от умиления. – Мы людей не едим. Но если достанут – мало не покажется. Грибников не люблю, охотников не люблю, егерьей тоже не люблю...

– Кто-нибудь поблизости живет из ваших? – вкрадчиво поинтересовался Кузнецов.

– За холмами, поближе к малинникам, живет вербер (оборотень-медведь), дальше в лесу обитает верджер (оборотень-барсук). Иногда захаживает верлис. А где его нора, знает только он, на то и лис. Хитрюга еще тот. Ви-и-и...

– Как вы стали?.. – не закончил вопрос Хохел, ему хотелось поделикатнее узнать историю лесного оборотня Митрича.

– Дела давно минувших дней, – недовольно махнул рукой хозяин и замолчал. Но не удержался, вздохнул и начал рассказ.

– Это случилось давно, очень давно... Мои друзья и я поехали осенью на охоту. У нас были прекрасные лошади, опытные загонщики, крепкие копыта и надежные штуцеры...

Рассказ оборотистого кабана

...У нас были прекрасные лошади, опытные загонщики, крепкие копыта и надежные штуцеры. Мои верные друзья – граф Н-ский, барон М-ский и виконт Б-ский – еще крепко держались в седлах, хотя шел уже третий день охоты. Держался и я. А надо сказать, что я в те годы был молод и великолепен. И вся округа дрожала, когда я выезжал за дичью: лесники прятались по оврагам, дети с ревом разбегались по домам, а девушки – ах какие в ту пору были девушки! – под страхом потери чести зарекались выходить за околицу своих деревень.

Итак, мы ехали.

Погода стояла чудесная, да и охотничья удача, казалось, была с нами – во всяком случае, мы несколько раз стреляли на подозрительные шорохи в кустах, и раздававшиеся оттуда крики свидетельствовали о том, что ни одна пуля не пропала даром. В тот день мы добыли славную дичь: одну косулю, пять коров, несколько браконьеров, двух загонщиков и какого-то несчастного королевского глашатая, заблудившегося в моем лесу. Теперь уже так не поохотишься, хоть год по лесу блуждай.

Но мы неумоимо ехали дальше. И вот в густом диком бору мои оставшиеся на ногах загонщики заметили огромного кабана. Впрочем, его трудно было не заметить: он сам нас нашел.

Мои компаньоны и я опустошили кубки и приготовились.

Внезапно мы услышали треск кустов. Лохматый неукротимый вепрь влетел прямо на поляну, где мы разбили бивак. Это был прекрасный мускулистый зверь, много больше, чем я когда-либо видел. Он опустил голову, злобно взрыл копытом землю и помчался прямо под брюхо моей лошади. Я взял копье на изготовку.

Это был прекрасный удар, я это чувствовал.

Острие должно было вонзиться в тело зверя чуть позади лопатки – действительно смертельный удар. Но копьё только скользнуло по шкуре вепря и вылетело из моих рук, а матерый (если бы вы только слышали, как я его обматерил!) секач одним ударом распорол брюхо моей несчастной лошади и разорвал мне мышцы на бедре. А потом, прорвав кольцо охотников и загонщиков, он скрылся в чаще.

Меня перебинтовали, и мы опять вернулись под дерево, где расположились на привал.

А вечером мы вернулись в замок, у стен которого мои верные друзья меня и оставили, страшась встречи с моей женой. Я пролежал в лихорадке неделю. Рана на ноге зажила, но я... Я уже был не тот. Я стал... Ну, словом, я стал тем, кем стал... Редкостной свиньей. Я третировал жену, лупил, впрочем исключительно по делу, своих детей, тех еще, между нами, поросят; я разорял деревни своих вассалов. Затем развелся и долго жил один, пропивая деньги. Потом я заложил замок. Когда кончились и эти деньги, мне пришлось жить в долг. А потом я ушел от людей подальше и с тех пор обосновался в этих местах. Поначалу меня даже искали мои друзья и кредиторы. Кредиторов я подкарауливал в полнолуние, а друзей... Друзья тоже были кредиторами.

А потом я поумнел и стал терпимее к людям. Устроился в лесничество, завел хозяйство. Вот так и живу. Оборачиваюсь, как могу...

* * *

– Как вервольф? – уточнил Владимиров. Автомат он уже не держал на изготовку, а положил на широкую дубовую столешницу.

– Не-э-эт, шалишь! – затряс головой лесник. – Мы – люди, которые могут превращаться в зверей, а вервольфы – это звери, которые маскируются под людей. Один тут приходил ко мне в черной форме, еще до приезда карателей. Тоже все про наших оборотней выпрашивал. Назвался Нагелем. Ну, в смысле, имя у него такое – Нагель.

– Может, про партизан выпрашивал? – спросил Кузнецов.

– Да нет, что-то другое он здесь искал. А ко мне так заскочил, когда мимо проходил. Мы же друг друга издали чувствуем. Он открыто по лесу рыскал. Партизан не боялся. Никого не боялся.

– А вервольф твой, он как? – поинтересовался Задов, присаживаясь на лавку. – Он в законе или, может, фраерится только?

– Не-э, – почесал в затылке лесник-кабан. – Ему человека подрезать, как тебе на меня с крыши плюнуть. Он в авторитете будет, это точно. Вервольфы, они вообще все любят свое превосходство над людьми показывать, бахвалятся. Но этот – чистый отморозок.

– Он больше не появлялся с тех пор? – уточнил Хохел. – Может, гастролер какой залетный?

– Пару раз еще заходил, – ответил лесник, выливая бадью с водой в разбитое окно. – Любит поболтать. Наши беседы в основном крутились вокруг темы, что за кровь струится по нашим венам, что подразумевает родство. Проклята ли эта кровь? Или благословлена силой, превосходящей человеческую? Нагель пытался убедить меня в том, что оборотни превосходят людей, как те превосходят скот, забиваемый в пищу. Он-то, может, и прав, да только мне это до лампочки Ильича. Я на расовую пропаганду не клюну. Я – интернационалист, я всех ненавижу. Или почти всех.

Конечно, когда со мной в лесу встречаются охотники и грибники, они, наверное, считают меня чудовищем. Иногда мне кажется, что они правы. Раз с партизанами столкнулся, так сразу палить стали.

– И что, никто не попал? – изумился Кузнецов.

– Попали. У нас народ целкий, – скривился лесник и остервенело почесал спину пониже поясицы. – Туда и попали... На каждого оборотня нужно свое оружие. Вербер уязвим для холодного железа, вервольф и вербат, летучая мышь, боятся оружия, покрытого серебром или зачарованного каменного клинка, на верджера – барсука – клинки должны быть костяные.

– Болит? – с состраданием поинтересовался Хохел, страдавший геморроем, кивая на задницу лесника.

– Чтобы вылечить рану от пули или простого оружия, достаточно перекинуться. Даже шрама не остается.

– Для кабана, наверное, тоже нужно что-то особое? – ляпнул Задов.

Ответом был здоровенный кукиш, который лесник с чувством покрутил у Левы под самым носом.

– Так вы из дворянского сословия будете? – уточнил Владимиров.

– Да уж не из лапотников, – гордо ответил лесник и громко рыгнул. – Чуть не забыл, – с этими словами он протянул командиру темно-красную книжечку, которую тот бросил оборотню с крыши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.